

Дмитрий Сергеевич
ЛИХАЧЁВ

Заветное

Москва
Издательский, образовательный и культурный центр
«Детство. Отрочество. Юность»
2006

**Автор проекта и составитель:
А.А.Лиханов**

*Издательство благодарит за содействие
при издании этой книги:
правообладательницу,
внучку Д.С.Лихачёва, В.С.Зилитинкевич;
писателя Д.С.Гранина;
Российский книжный союз
и его президента С.В.Степашина;
Российский детский фонд
и его председателя писателя А.А.Лиханова;
Фонд Д.С.Лихачёва (С.-Петербург);
типографию «Новости»
и ее директора С.В.Иванову.*

Лихачёв Д.С.

Л 65 Заветное./Д.С.Лихачёв. — М.: «Издательский, образовательный
и культурный центр «Детство. Отрочество. Юность», 2006. — 271, [1] с.:
ил.

ISBN 5-9639-0068-9

Книга представляет собой собрание коротких эссе, философских стихотворений в прозе, размышлений и отдельных записей академика Д.С.Лихачёва. Книга подготовлена и издана специально для проведения «Уроков Лихачёва» в учебных заведениях различных типов. Тексты Д.С.Лихачёва сопровождаются учебно-методическими рекомендациями для педагога. Предисловие Д.А.Гранина. Послесловие А.А.Лиханова.

УДК 7.01
ББК 87.8

- © Д.С.Лихачёв (правообладательница В.С.Зилитинкевич), 2006
- © ИОКЦ «Детство. Отрочество. Юность». Составление, дизайн, 2006
- © Д.А.Гранин. Предисловие, 2006
- © Т.Г.Галактионова. Учебно-методические рекомендации, 2006
- © А.А.Лиханов. Составление и послесловие, 2006

На фото:
Д.А.Гранин
и Д.С.Лихачёв

Даниил
ГРАНИН,
писатель,
Герой Социалистического Труда

Заветное для ума и сердца

Время от времени ко мне обращаются с просьбой: выступите (в газете, по радио, по TV) перед школьниками с напутственным словом. Я всегда отказываюсь. Советы старших звучат издалека, кажется, совсем из другой эпохи, их опыт неинтересен, они жили без интернета, шенгена, мобильных, они плохо понимают наш язык...

Все это было и в нашей молодости. Но есть опыт неоценимый, опыт истории.

Одним из самых интересных и талантливых людей России минувшего века был Дмитрий Сергеевич Лихачёв. Он оказал большое влияние на интеллигенцию нашей страны, во многом возродил понятие русского интеллигента. Его сила была в том, что он изучил и культуру, и духовную жизнь, быт, искусства русского человека на протяжении многих веков.

Это бесценные знания, читать его книги — наслаждение: так ярко, просто, увлекательно они написаны. Они одинаково значимы и для ученого, и для школьника.

Составители книги «Заветное» отобрали из разных статей, книг Д.С.Лихачёва выдержки наиболее замечательные, то, о чем нигде не прочитать и что следует знать культурному человеку.

Зависть, любовь, первобытные люди, душа вещей, дружба по Пушкину...

Это все его личные наблюдения, открытия, воспоминания.

Записи Лихачёва показывают, какой важный материал можно собрать о собственной жизни, если относиться к ней как к свидетельству истории.

Лихачёв умеет, казалось бы, в мелочах повседневности увидеть Время. Как много размышлений вызывает, например, «Список бессмертных», кото-

рый он приводит. Или поразительная традиция студентов в английском колледже Итон с их партами, фраками. Всякий раз оказывается, что это не просто забавные казусы, они озадачивают непривычной мыслью.

Сборник «Заветное» можно перечитывать, его хочется иметь при себе как пособие для души, пособие не стареющее, а, наоборот, со временем все более необходимое.

↑
*Когда же
мы начинаем?*

Я не считаю таким уж важным мое собственное развитие — развитие моих взглядов и мироощущения. Важен здесь не я, своей собственной персоной, а как бы некоторое характерное явление.

Отношение к миру формируется мелочами и крупными явлениями. Их воздействие на человека известно, не вызывает сомнений, и самое важное — мелочи, из которых складывается работник, его мировосприятие, мироотношение. Все мелочи должны учитываться, когда мы задумываемся над судьбой наших собственных детей и нашей молодежи в целом. Естественно, что в моей своего рода «автобиографии», доминируют положительные воздействия, ибо отрицательные чаще забываются. Я лично, да и каждый человек крепче хранит память благодарную, чем память злую.

Интересы человека формируются главным образом в его детстве. Л. Н. Толстой пишет в «Моей жизни»: «Когда же я начался? Когда начал жить? ...Разве я не жил тогда, эти первые года, когда учился смотреть, слушать, понимать, говорить... Разве не тогда я приобретал все то, чем я теперь живу, и приобретал так много, так быстро, что во всю остальную жизнь я не приобрел и 1/100 того?»

Наблюдения над своими детскими и юношескими годами имеют некоторое общее значение.

2 Образы раннего детства

С. Тутунов.
Зима пришла. Детство

Мои первые детские воспоминания восходят ко времени, когда я только учился говорить. Помню, как в кабинете отца сел на подоконник голубь. Я побежал сообщить об этом огромном событии родителям и никак не мог объяснить им — зачем я их зову в кабинет.

Другое воспоминание. Мы стоим на огороде в Куоккале, и отец должен ехать в Петербург на службу. Но я не могу этого понять и спрашиваю его: «Ты едешь покупать?» (отец всегда что-то привозил из города), но слово «покупать» у меня никак не выговаривается и получается «покукать». Мне так хочется сказать правильно! Еще более раннее воспоминание. Мы живем еще на Английском проспекте. Я с братом смотрю волшебный фонарь. Зрелище, от которого замирает душа. Какие яркие цвета! И мне особенно нравится одна картина: дети делают снежного деда-мороза. Он тоже не может говорить. Эта мысль приходит мне в голову, и я его люблю, деда-мороза, — он мой, мой. Я только не могу его обнять, как обнимаю любимого плюшевого и тоже молчащего медвежонка — Берчика. Мы читаем «Генерала Топтыгина» Некрасова, и нянька шьет Берчику генеральскую шинель. В этом генеральском чине Берчик воспитывал в блокаду и моих дочерей. Уже после войны генеральскую шинель на красной подкладке мои ма-

ленькие дочери перешли в женское пальто для одной из кукол. Уже не в генеральском чине он воспитывал потом мою внучку, неизменно молчащий и ласковый.

Мне было два или три года. Потом я получил в подарок немецкую книжку с очень яркими картинками. Была там сказка о «Счастливом Гансе». Одна из иллюстраций — сад, яблоня с крупными красными яблоками, ярко-синее небо. Так радостно было смотреть на эту картинку зимой, мечтая о лете. И еще воспоминание. Когда ночью выпадал первый снег, комната, где я просыпался, оказывалась ярко освещенной снизу, от снега на мостовой (мы жили на втором этаже). На светлом потолке двигались тени прохожих. По потолку я знал — наступила зима с ее радостями. Так весело от любой перемены, время идет, и хочется, чтобы шло еще быстрее. И еще радостные впечатления от запахов. Один запах я до сих пор люблю: запах разогретого солнцем самшита. Он напоминает мне о крымском лете, о поляне, которую все называли «Батарейка», так как тут во время Крымской войны располагалась русская батарея, чтобы предотвратить высадку англо-французских войск в Алушке. И такой близкой казалась эта война, точно она была вчера, — всего 50 лет назад! Одно из счастливейших воспоминаний моей жизни. Мама лежит на кушетке. Я забираюсь между ней и подушками, ложусь тоже, и мы вместе поем песни. Я еще не ходил в подготовительный класс.

*Дети, в школу собирайтесь,
Петушок пропел давно.
Попроворней одевайтесь!
Смотрит солнышко в окно.*

*Человек, и зверь, и пташка —
Все берутся за дела,
С ношей тащится букашка;
За медком летит пчела.*

*Ясно поле, весел луг;
Лес проснулся и шумит;
Дятел носом: тук да тук!
Звонко иволга кричит.*

*Рыбаки уж тащат сети;
На лугу коса звенит...
Помолясь, за книгу, дети!
Бог лениться не велит.*

Из-за последней фразы, верно, вывелась эта детская песенка из русского быта. А знали ее все благодаря хрестоматии Ушинского «Родное слово». А вот и другая песенка, которую мы пели:

*Травка зеленеет,
Солнышко блестит;
Ласточка с весною
В сени к нам летит.
С нею солнце краше
И весна милей...
Прощебечь с дороги
Нам привет скорей!
Дам тебе я зерен;
А ты песню спой,
Что из стран далеких
Принесла с собой.*

Ясно помню, что слово «прощебечь» я пел как «прощесесь» и думал, что это кто-то кому-то говорит «прочь с дороги» — «прощесесь с дороги». Только уже на Соловках, вспоминая детство, я понял истинный смысл строки!

*Этот театр
нашего детства*

Ежегодно осенью мы снимали квартиру где-нибудь около Мариинского театра. Там родители всегда имели два балетных абонементов. Достать абонементы было трудно, но нам помогали наши друзья — Гуляевы. Глава семьи Гуляевых играл на контрабасе в оркестре театра и поэтому мог доставать ложи на оба балетных абонементов.

В балет я стал ходить с четырехлетнего возраста. Первое представление, на котором я был, — «Щелкунчик», и больше всего меня поразил снег, падавший на сцене, понравилась и елка. Потом я уже бывал вечерами и на взрослых спектаклях.

Было у меня в театре и свое место: наша ложа, которую мы абонировали вместе с Гуляевыми, помещалась в третьем ярусе рядом с балконом.

Тогда балкон имел места с железными, обтянутыми голубым плюшем поручнями. Между нашей ложей и первым местом балкона оставалось маленькое клиновидное местечко, где сидеть мог только ребенок, — это место и было моим.

Балеты я помню прекрасно. Ряды дам с веерами, которыми обмахивались больше для того, чтобы заставить играть бриллианты на глубоких декольте. Во время парадных балетных спектаклей свет только притушивался, и зал и сцена сливались в одно.

Помню, как «вылетала» на сцену «коротконожка» Кшесинская в бриллиантах, сверкавших в такт танцу. Какое это было великолепное и парадное зрелище!

Но больше всего мои родители любили Спесивцеву и были снисходительны к Люком.

С тех пор балетная музыка Пуни и Минкуса, Чайковского и Глазунова неизменно поднимает мое настроение. «Дон Кихот», «Спящая» и «Лебединое» (именно так сокращала названия балетов и Ахматова), «Баядерка» и «Корсар» неразрывны в моем сознании с голубым залом Мариинского, входя в который я и до сих пор ощущаю душевный подъем и бодрость.

В моем кабинете, отделяя его от холла, висит сейчас на стеклянной двери бархатный голубой занавес: он из старого Мариинского театра, куплен в комиссионном магазине еще тогда, когда мы жили в конце 40-х годов на Басковом переулке и шел ремонт зрительного зала театра после войны (там попала бомба в фойе, и обивку и занавеси обновляли).

Слушая разговоры о Мари́усе Мари́усовиче и Марии Мари́усовне Петипа, мне казалось, что речь идет об обыкновенных знакомых нашей семьи, которые только почему-то не приходят в гости.

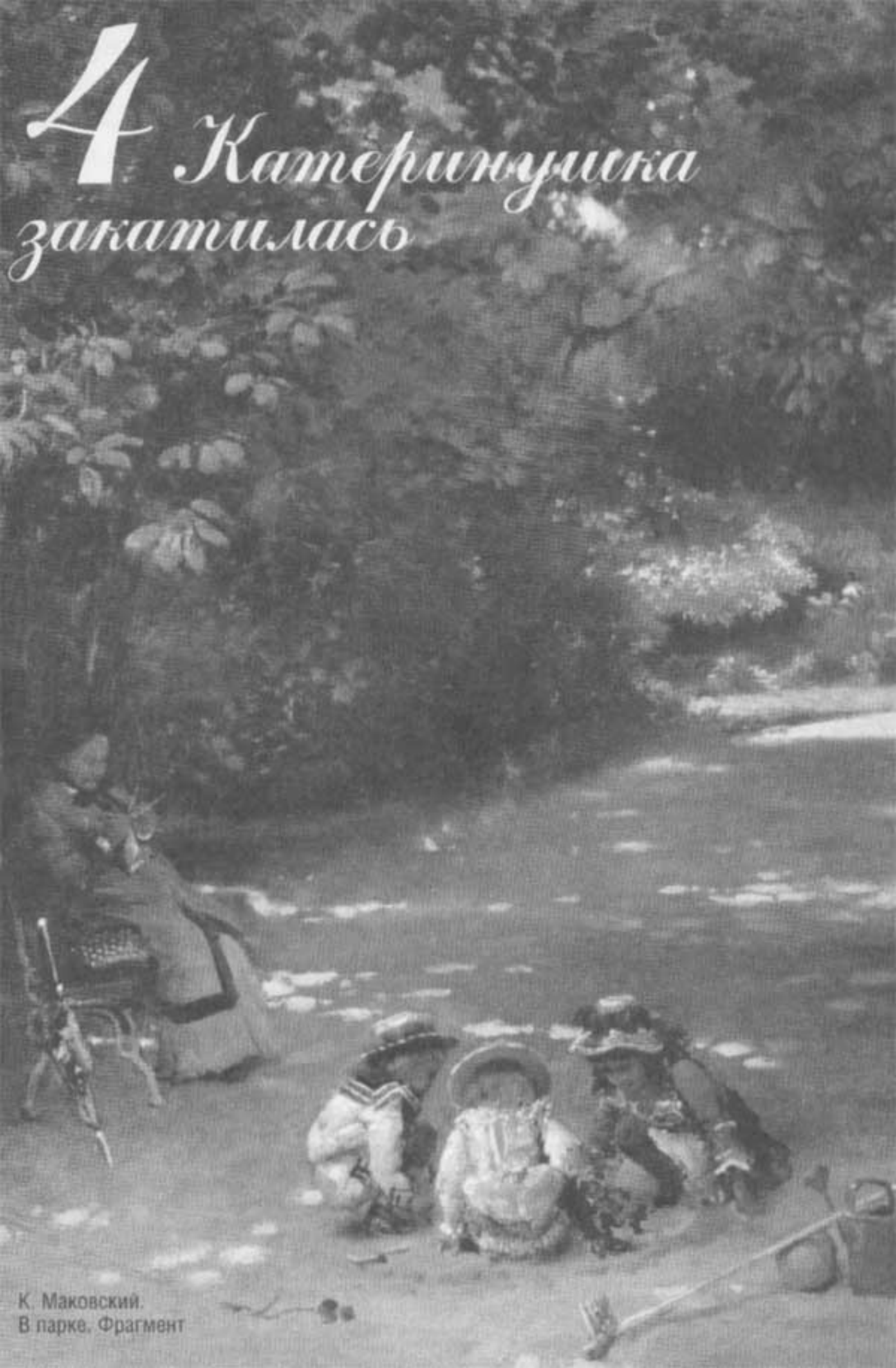
Раз в год поездка в Павловск «пошуршать листьями», раз в год посещение Домика Петра Великого перед началом учебного года (таков был петербургский обычай), прогулки на пароходах Финляндского пароходного общества, бульон в чашках с пирожком в ожидании поезда на элегантном Финляндском вокзале, встречи в Глазуновым в зале Дворянского собрания (теперь Филармонии), с Мейерхольдом в поезде Финляндской железной дороги — были достаточными, чтобы стереть границы между городом и искусством...

По вечерам дома мы играли в любимое цифровое лото, называя бочоночки с цифрой непременно с прибаутками; играли в шашки; отец обсуждал прочитанное им накануне на ночь — произведения Лескова, исторические романы Всеволода Соловьева, романы Мамина-Сибиряка.

Все это в широко доступных дешевых изданиях — в приложениях к «Ниве».

4 Катериноградка закатилась

К. Маковский.
В парке. Фрагмент

*М*ою няню звали Катеринушка. Единственное, что сохранилось от Катеринушки, — фотография, на которой она снята с моей бабушкой Марией Николаевной Коняевой. Фотография плохая, но характерная. Обе смеются до слез. Бабушка просто смеется, а Катеринушка и глаза закрыла, и видно, что слова вымолвить не может от смеха. Я знаю, отчего обе так смеются, но не скажу... Не надо!

Кто снял их во время приступа такого неудержимого смеха — не знаю. Фотография любительская, и в нашей семье она давно-давно. Катеринушка нянчила мою мать, нянчила моих братьев. Мы хотели, чтобы помогла она нам и с нашими «рунчиками» — Верочкой и Милочкой, но что-то ей помешало. Помех у нее, притом неожиданных, было немало.

Помню в детстве, что жила она на Тарасовом в одной со мной комнате, а было мне тогда лет шесть, и я открыл тогда впервые, к своему удивлению, что у женщин есть ноги. Юбки носили такие длинные, что видна бывала только обувь. А тут по утрам за ширмой, когда Катеринушка вставала, появлялись две ноги в толстых чулках разного цвета (чулок все равно под юбкой не видно). Я смотрел на эти разноцветные чулки, появлявшиеся передо мной до щиколоток, и удивлялся.

Катеринушка была как родная и для нашей семьи и для семьи моей бабушки по матери.

Чуть что нужно — и появлялась в семье Катеринушка: заболит ли кто серьезно и нужно ухаживать, ожидается ли ребенок и нужно готовиться к его появлению на свет — шить свивальнички, подгузнички, волосяной (нежаркий) матрасик, чепчики и тому подобное; заневестилась ли девушка и нужно готовить ей приданое — во всех этих случаях появлялась Катеринушка с деревянным сундучком, устраивалась жить и как своя вела всю подготовку, рассказывала, говорила, шутила, в сумерки пела со всем семейством старинные песни, вспоминала про старое.

В доме с ней никогда не было скучно.

И даже когда кто-нибудь умирал, она умела внести в дом тишину, благопристойность, порядок, тихую грусть.

А в благополучные дни она играла и в семейные игры — с взрослыми и детьми — в лото цифровое (с бочонками), причем, выкликая цифры, давала им шуточные названия, говорила приговорками и поговорками (а это не одно и то же — приговорок сейчас никто не знает, фольклористы их не собирали, а они часто бывали «заумными» и озорными в своей бессмысленности — хорошей, впрочем).

Кроме нашей семьи, семьи бабушки и ее детей (моих теток), были и другие семьи, для которых Катеринушка была родная и попав в которые не сидела сложа руки, вечно что-то делала, сама радовалась и радость эту и уют распространяла вокруг.

Легкий она была, человек. Легкий во всех смыслах, и на подъем тоже. Соберется Катеринушка в баню и не возвращается. Сундучок ее стоит, а ее нет. И не очень о ней беспокоятся, так как знают ее обычаи — придет Катеринушка. Мать спрашивает свою матушку (а мою

бабушку): «Где Катеринушка?», а бабушка отвечает: «Катеринушка закатилась». Такой был термин для ее внезапных уходов. Через несколько месяцев, через год Катеринушка так же внезапно появляется, как перед тем исчезла. «Где ж ты была?» — «Да у Марьи Ивановны! Встретила в бане Марью Ивановну, а у той дочь заневестилась: пригласили приданое справить!» — «А где же Марья Ивановна живет?» — «Да в Шлюшине!» (Так в Питере называли Шлиссельбург — от старого шведского «Слюсенбурх».) «Ну а теперь?» — «Да к вам. Свадьбу третьего дня справили».

Вспоминала она и про мою маму разные смешные истории. Пошли они вместе в цирк.

Мама маленькой девочкой была с Катеринушкой в цирке в первый раз и пришла в такой восторг, что вцепилась Катеринушке в шляпу да вместе с вуалькой содрала с нее...

Катеринушка только при своих ходила в платке, а на улице, да еще в цирке, бывала в шляпке. И в Александринский театр она со всей семьей дедушки и бабушки ходила.

Помню, рассказывала, как в антрактах в аванложу приносили кипящий самовар и вся бабушкина семья пила чай.

Таков был обычай в «купеческом» Александринском театре, где и пьесы подбирались на вкус купеческий и мещанский (потому-то «Чайка» там и провалилась — ждали ведь фарса, тем более что и Чехов в этой среде был известен как юморист).

Так вот о шляпке.

Шляпка не была случайностью. Катеринушка была вдовой мастера, погибшего во время какой-то заводской аварии.

Она гордилась своим мужем, гордилась, что его ценили.

У ней был и собственный дом в Усть-Ижоре. Обращен он был окнами на Неву, то есть на север, и так она любила свою Усть-Ижору и дом, что, бывало, рассказывала: «В мой дом солнышко два раза в день заглядывает — утром раненько поздороваается, а вечером к закату попросится». Если учесть, что летом восход и закат сдвинуты к северу, то это, наверное, так и было. Но не зимой.

Никто не знал ее фамилии.

Я у мамы спрашивал — не знала, но в паспорте у Катеринушки стояло отчество — Иоакимовна, и очень она не любила, если кто-нибудь называл ее Акимовной. Даже с обидой об этом рассказывала.

Как определить профессию этой милой вечной труженицы, приносившей людям столько добра (счастье входило вместе с ней в семью)?

Я думаю, назвать бы ее следовало «домашней портнихой».

Профессия эта совершенно сейчас исчезла, а когда-то она была распространенной.

Домашняя портниха поселялась в доме и делала работу на несколько лет: перекраивала, перешивала, ставила заплатки, шила и белье и пиджак хозяину — на все руки мастер.

Появится такая домашняя портниха в доме, и начинают перебирать все тряпье и всей семьей советовать-ся, как и что перешить, что бросить, что татарину отдать (татары-тряпичники ходили по дворам, громко кричали «халат-халат» и в доме всякую ненужность покупали за гроши).

Умерла она так же, как и жила: никому не доставив хлопот.

Закатилась Катеринушка в 1941 году слабой одноглазой старухой.

Услыхала она, что немцы подходят к любимой ее

Усть-Ижоре, встала у моей тети Любы с места (жила теть Люба на улице Гоголя) да и пошла в Усть-Ижору к своему дому.

Дойти она не смогла и где-то погибла, верно по дороге, так как немцы уже подошли к Неве.

Привыкла она всю жизнь помогать тем, кто нуждался в ее помощи, а тут несчастье с ее Усть-Ижорой...

Закатилась Катеринушка последний раз в жизни.

5 На море все спокойно

Владимир Орловский.
На берегу моря.

Уеще одно сильное впечатление из детства в Куоккале. В пасхальную неделю, как и во всех русских православных церквях, разрешалось звонить всем и в любое время. Отец и мы, два брата, однажды (приезжали на дачи рано весной) ходили на колокольню звонить. До какой же степени было восхитительно слушать звон под самыми колоколами!

Произошел тогда один случай, который «прославил» нас с братом среди всех дачников. Ветер дул с берега (самый опасный). Мой старший брат снял синюю штору у нас в детской, водрузил ее на нашей лодке и предложил прокатиться под «парусом» вполне домашнему мальчику — внуку сенатора Давыдова.

Домашний мальчик Сережа пошел к своей бабушке и спросил у нее разрешения прокатиться.

Бабушка была франтиха с фиолетовыми глазами, сидела в шелковом платье стального цвета под зонтиком от солнца. Она спросила только — не промочит ли Сережа ноги: в лодке ведь всегда есть на дне вода. Велела Сереже надеть галоши.

Сережа надел новые блестящие галоши и сел в лодку.

Все это происходило на моих глазах. Поехали. Ветер, тихий, как всегда, у берега, усилился вдали. Лодку погнало. Я наблюдал с берега и увидел: синий па-

рус медленно наклонился и исчез. Бабушка, как была в корсете и с зонтиком, пошла по воде, простирая руки к любимому Сереже. Дойдя до глубокой воды, бабушка с фиолетовыми глазами упала без чувств.

А на берегу за загородкой из простыней загорал проректор Петербургского университета — красавец Прозоровский. Он наблюдал за бабушкой и, когда та упала, бросился ее спасать. И, о ужас! — в одних трусах.

Он поднял бабушку с фиолетовыми глазами и понес ее к берегу. А я изо всех сил побежал домой.

Подбежав к нашей даче, я замедлил шаг и постарался быть спокойным. Мать спросила, очевидно догадавшись все же, что что-то случилось: «На море все спокойно?» Я немедленно ответил: «На море все спокойно, но Миша тонет».

Эти мои слова запомнились и вспоминались потом в нашей семье сотни раз. Они стали нашей семейной поговоркой, когда внезапно что-либо случалось неприятное.

А в море в это время происходило следующее. Домашний мальчик Сережа, конечно, не умел плавать. Брат стал его спасать и велел сбросить галоши. Но Сережа не хотел — то ли чтобы не послушаться бабушки, то ли потому, что было жаль блестящих галош с медными буквами «С. Д.» («Сережа Давыдов»). Брат пригрозил: «Сбрасывай, дурак, или я сам тебя брошу».

Угроза подействовала, а от берега уже гребли лодки и лодки.

Вечером приехал отец. Моего брата повели на второй этаж пороть, а затем отец, не изменяя своим привычкам, повел нас гулять вдоль моря.

Как полагалось, мы с братом шли впереди родителей.

Встречные говорили, указывая на моего брата: «Спаситель, спаситель!», а «спаситель» шел мрачный, с зареванной физиономией.

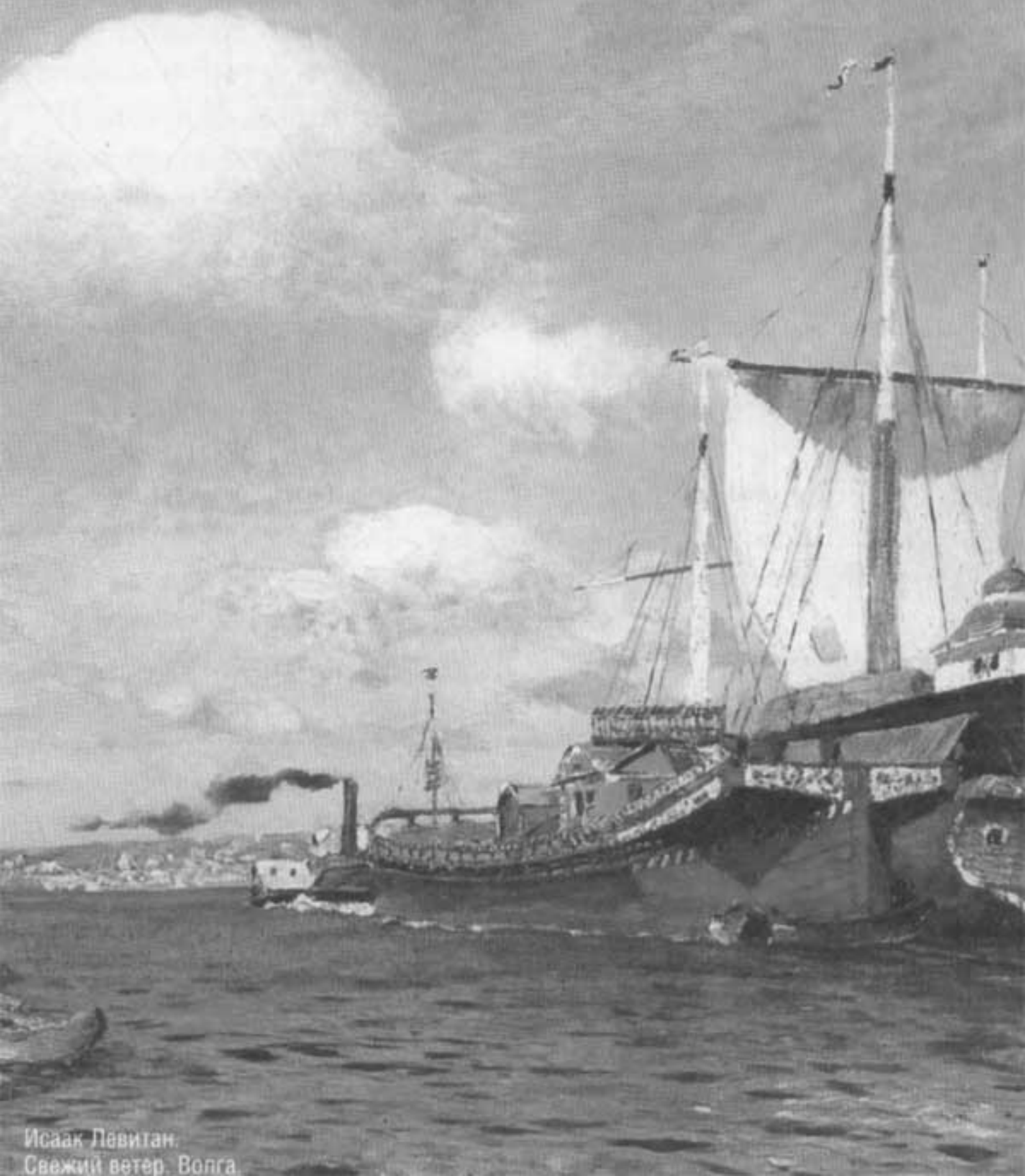
Хвалили и меня за «мудрую» выдержку. А однажды в особенно сильную бурю кто-то из встречных сказал мне: «На море все спокойно, но четыре будки подмыло и опрокинуло».

Я немедленно побежал на море смотреть.

Бури я люблю и до сих пор, но не люблю обманчивого берегового ветра.

6 Волга как напоминание

Исаак Левитан
Свежий ветер. Волга.

В мае 1914 года мы ездили по Волге — от Рыбинска до Саратова и обратно. Мои родители, старший брат Михаил и я. До Рыбинска от Петербурга — поездом. Как ехали поездом — не помню. Смутные впечатления сохранились только от вокзала в Петербурге. Скорее всего — это был Николаевский (теперь Московский). Там, где прибывали и отходили поезда, в крытой части вокзала и где обрывались рельсы, всегда помещалась икона. Отъезжающие молились перед ней. Жарко горели десятки свечей.

Был май месяц. Утром Рыбинск встретил нас дождем и холодом. Мы направились в магазин купить мне длинные чулки, на которые мне надо было сменить мои носочки. Разумеется (дети всегда одинаковы!), мне этого очень не хотелось. Весной надо было быть одетым как можно более легко: таково было мальчишеское франтовство. А тут еще оскорбление в магазине. Приказчица-девушка, которая взялась мне примерить чулки, обратилась ко мне со словами: «Барышня, дайте мне вашу ножку!» Меня приняли за девочку! Ужас!

В те времена на Волге лучшими пароходными компаниями считались две: «Самолет» (розовые красавцы теплоходы, с двумя красными полосами на трубе и полукруглым зеркальным стеклом спереди в ресторане) и «Кавказ и Меркурий» (белые суда). Суда «Самолета»

ходили от Нижнего до Астрахани. До Нижнего надо было добираться на колесных «кашинских». А суда общества «Кавказ и Меркурий» шли от самого Рыбинска. Мы взяли каюту на одном из судов «Кавказ и Меркурий». На Волге погода потеплела, и мы в первый же день обедали на носу парохода на воздухе. До сих пор помню вкус хлеба и свежих весенних огурцов. Замечали ли вы, что еда на воздухе имеет другой вкус? Гораздо лучший.

Волга тогда была другая, чем сейчас. Я уже не говорю о том, что она была без «морей» и разливов, без плотин и шлюзов. На ней было множество мелких судов разных типов. Буксиры тянули канатами караваны барок. Сплавливали лес плотами. На плотам ставили шатры и даже маленькие домики для плотогонов. Вечером ярко горели костры, на которых плотогоны готовили пищу и у которых сушили выстиранную одежду. Раза два-три встретились красавицы «беляны». Беляны назывались так потому, что они были некрашеные. Бель — это некрашеное дерево. Эти огромные высокие барки плыли по течению, управлялись длинными веслами. По прибытии в нижнее безлесное течение Волги их разбирали на строительный материал. И строились беляны в верховьях Волги так, чтобы не портить бревна и доски.

Волга была наполнена звуками: гудели, приветствуя друг друга, пароходы. Капитаны кричали в рупоры, иногда — просто чтобы передать новости. Грузчики пели.

Существовали специально волжские анекдоты, где главную роль играли голоса кричавших друг другу с больших расстояний людей, плохо и по-своему понимавших друг друга. Но были и детские байки, и звукоподражания. Помню такое «звукоподражание» перекликающимся друг с другом петухам. Первый петух

кричит: «В Костроме был». Второй спрашивает: «Каково там?» Первый отвечает: «Побывай сам». Этот «диалог» довольно хорошо передавал по интонации петушиную перекличку.

А вот сцена, которую я сам наблюдал. Была она в духе Островского. Сел к нам на пароход богатый купец, не устававший хвастаться своим богатством. Встречающиеся плоты он приветствовал, приложив ко рту ладони рупором: «Чьи плоты те?» С плотов ему непременно отвечали: «Панфилова». Тогда купчишка с гордостью обращивался к стоявшей на палубе публике и с важностью говорил: «Плоты те наши!»

Была и такая сцена. По Волге обычно плавал бывший борец Фосс. Был он огромного роста и необыкновенной толщины. Говорили, что он под рубашку подвязывал себе подушку, чтобы казаться еще толще. Хвастался он дружбой с кем-то из великих князей и поэтому считал себя вправе ни за что не платить. Во время обедов он съедал множество всего. Волжские пароходы славились тогда великолепной кухней, особенно рыбной (стерляди, осетрина, икра паюсная, зернистая, ястычная и пр.).

Фосс сел к нам на пароход вечером в Нижнем. Пассажиры встревожились: будет скандал. А шутники пугали: «Съест все, и ресторан закроют». Капитан знал, однако, как бороться с Фоссом. Отказать Фоссу заказывать блюда было нельзя. Капитан шел на расход. Но когда Фосс отказался платить, ему предложили сойти с парохода. Фосс упрямился. Тогда собрали всех матросов и они, подпирая Фосса с обоих боков, выдавили его. Мы с верхней палубы следили за тем, как выставляли Фосса. Он долго стоял на пристани и сыпал угрозами.

Много пели. Песни слышались с берега. Пели и на нижней палубе, в третьем классе: пели частушки и плясали. Мать не вынесла, когда плясала беременная женщина, и ушла. Вдогонку беременная плясунья спела

нам частушку об инженерах (отец неизменно носил инженерскую фуражку).

На пристанях грузчики («крючники») помогали своему тяжелому труду возгласами и пением. Помню, ночью тащили из трюма (пароход был грузо-пассажирский) какую-то тяжелую вещь; грузчики дружно в такт кричали: «А вот пойдет, а вот пойдет!» Когда вещь сдвинулась, дружно кричали: «А вот пошла, а вот пошла, пошла, пошла!» Этот ночной крик хорошо запомнился мне.

На каждой остановке у пристани собирался маленький базар. Капитан говорил, где и что покупать — где ягоды, где корзины, где икру, где палочки-тросточки. Палочки мы с братом жадно выбирали. Брат купил себе палочку с рукояткой в виде головы турка, а я — с птичкой. Эти палочки долго у нас хранились. Не то эти покупки тросточек были в Кинешме, не то в Плесе. Помню точно, что берег был очень зеленый, лесистый и круто поднимался вверх.

В Троицу капитан остановил наш пароход (хоть и был он дизельный, но слова «теплоход» еще не было) прямо у зеленого луга. На возвышенности стояла деревенская церковь. Внутри она вся была украшена березками, пол усыпан травой и полевыми цветами. Традиционное церковное пение деревенским хором было необыкновенным. Волга производила впечатление своей песенностью: огромное пространство реки было полно всем, что плавает, гудит, поет, выкрикивает. В городах пахло рыбой, разного рода снедью, лошадьми, даже пыль пахла ванилью. Люди ходили, громко разговаривая или перебраниваясь, торговцы выкликали свои товары, заманивали покупателей. Мальчишки — продавцы газет выкликали их названия, а иногда и заголовки статей, сообщения о происшествиях.

На рынках встречались персы, кавказцы, татары, калмыки, чувашаи, мордвинаы — все одетые по-своему,

говорившие на своих языках. В Сарепте и Саратове слышалась немецкая речь.

В Саратове мы пересели на обратный пароход той же компании «Кавказ и Меркурий», которую мы, мальчишки, дружно стали считать лучше бледно-розового пароходства «Самолет».

Как возвращались поездом, не помню. Помню только, что обратный пароход назывался «1812 год» и встретился нам «Кутузов». Это было на 101-й год после Бородинской битвы.

От прежнего остаются картины, своеобразные фотографические снимки.

От путешествия по Волге я яснее всего помню одну. Мы сидим с дочкой капитана на ковре в капитанской каюте и играем во что-то скучное (дочка моложе меня, да она и девочка, а я не умею играть в куклы). От палубы нас отделяет решетка от потолка до полу.

Родители кричат мне: «Посмотри — Жигули! Соловьи поют». Я вижу через решетку высокий лесистый берег и слышу щелканье соловьев, но мне неловко не играть с дочкой капитана.

Я долго потом жалел, что плохо видел и плохо слушал соловьев. Это ощущение упущенной возможности сохранилось и до сих пор. Но, может быть, в этом случае мое сознание не «сфотографировало» бы этот вид на Жигули через решетку? И все же я могу сказать про себя с гордостью: «Я видел Волгу».

7
Умный
«ручной» труд

В годы первой мировой войны в училище Мая был введен урок ручного труда. Чем это диктовалось, я не знаю. Но воспитательное значение он имел очень большое.

Сравнительно молодой столяр говорил нам: «Когда работаешь, надо думать». Я это запомнил. Он учил нас, как без гвоздей делать различные деревянные поделки — полки, рамки, табуретки, как делать различные сочленения, чтобы вещь крепко держалась без гвоздей, как выбирать дерево для работы, как обходить сучки, как работать рубанком, полировать. Закончив один какой-то прием, мы переходили к другому. «Ручной труд», так назывался урок, был уроком творчества. От менее сложных приемов мы переходили к более сложным. И хотя в классе было много детей работников отнюдь не ручного труда — уроки эти нам нравились. Единственное, что нам мешало, это то, что нас было много, человек двадцать, и нашему преподавателю приходилось учить каждого в отдельности. Объяснив нам все приемы работы, преподаватель ручного труда подходил к каждому из нас (верстаков и столярных инструментов было много) и всем показывал отдельно — как держать инструмент, как им работать.

Ручной труд был трудом умственным и давал нам радость овладения новым. Само собой, что сделанные нами полочки, коробочки и скамейки мы уносили домой, и сделанным нами гордилась вся семья.

8

*Внешние
Впечатления*

И и моя семья, ни я, одиннадцати-двенадцатилетний мальчик, разумеется, ничего толком не понимали, что происходит, и происходит почти на наших глазах, так как жили мы на Новоисаакиевской улице вблизи Исаакиевской площади.

Семья слабо разбиралась в политике.

Когда в первые дни февральской революции «гордовики» (так называли в Петрограде городских) захватили вышку Исаакиевского собора и чердаки гостиницы «Астория» и оттуда обстреливали любую собиравшуюся толпу, мои родители возмущались «гордовиками» и боялись приближаться к этим местам. Но когда «гордови́ков» стащили с их позиций и разъяренная толпа убивала их, родители возмущались жестокостью толпы, не особенно входя в дальнейшее обсуждение событий.

Когда мы с отцом ходили на Невский, чтобы посмотреть на непрерывно и, по-видимому, без особой цели маршировавшие под оркестры полки, звуки маршей поднимали нам настроение, но когда эти же полки шли нестройными рядами, мы огорчались, ибо помнили, с каким блеском шел до войны Конногвардейский полк по воскресеньям в свою полковую Благовещенскую церковь, с каким балетным искусством вышагивал впереди командир полка — полковник из русских немцев, как блестели кирасы и каски, как лихо крутил палку тамбурмажор перед оркестром.

Да и до революции...

Когда мы с отцом гуляли по Большой Морской и видели, как строят дом и носят тяжести на своих спинах обутые в лапти, чтобы не скользить, крестьяне, приехавшие в город на заработки, — я почти задыхался от жалости и вспоминал с отцом «Железную дорогу» Некрасова.

То же самое происходило на любой набережной в местах, где разрешалось разгружать барки с кирпичом и дровами. Здоровенные кáтали вкатывали быстро-быстро свои тачки с тяжеленным грузом, чтобы взобраться, не останавливаясь, по узким доскам, перекинутым с бортов барж на набережную. Мы жалели кáталей, старались представить себе, как они живут в отрыве от семей на этих барках, как замерзают по ночам, как тоскуют по своим детям, ради которых они, в сущности, и зарабатывали свой хлеб тяжелым трудом.

Но когда эти же бывшие грузчики и носильщики, мастеровые и мелкие служащие пошли по бесплатным билетам на балет в Мариинский театр и заполнили собой партер и ложи, родители жалели о былом бриллиантовом блеске голубого Мариинского зала. Единственное, что на тех представлениях радовало родителей, — это то, что балерины танцевали не хуже прежнего. Спесивцева с Люком были так же великолепны, раскланивались перед новой публикой так же, как и перед старой.

А ведь как это было замечательно! Какой урок уважения к новому зрителю давал нам всем тогдашний театр!

Наиболее важный и в то же время наиболее трудный период в формировании моих научных интересов — конечно, университетский.

Я поступил в Ленинградский университет несколько раньше положенного возраста: мне не было еще 17 лет. Не хватало нескольких месяцев. Принимали тогда в основном рабочих. Это был едва ли не первый год приема в универси-

тет по классовому признаку. Я не был ни рабочим, ни сыном рабочего, а — обыкновенного служащего. Уже тогда имели значение записочки и рекомендации от влиятельных лиц. Такую записочку, стыдно признаться, отец мне добыл, и она сыграла известную роль при моем поступлении. Университет переживал самый острый период своей перестройки. Активно способствовал или даже проводил перестройку «красный профессор» Николай Севастьянович Державин — известный болгарист и будущий академик.

Появились профессора «красные» и просто профессора. Впрочем, профессоров вообще не было — звание это, как и ученые степени, было отменено. Защиты докторских диссертаций совершались условно. Оппоненты заключали свои выступления так: «Если бы это была защита, я бы голосовал за присуждение...» Защита называлась диспутом. Особенно хорошо я помню защиту в такой условной форме, но в очень торжественной обстановке в актовом зале университета — Виктора Максимовича Жирмунского. Ему так же условно была присуждена степень доктора, но не условно аплодировали и подносили цветы. Темой «диспута» была его книга «Пушкин и Байрон».

Так же условно было и деление «условной профессуры» на «красных» и «старых» по признаку — кто как к нам обращался; «товарищи» или «коллеги». «Красные» знали меньше, но обращались к студентам «товарищи»; старые профессора знали больше, но говорили студентам «коллеги». Я не принимал во внимание этого условного признака и ходил ко всем, кто мне казался интересен.

Я поступил на факультет общественных наук. Сокращение ФОН расшифровывалось и так: «Факультет ожидающих невест». Но «невест» там, по нынешним временам, было немного. Просто их много казалось от не привычки: ведь до революции в университете учились только мужчины. Состав студентов был не менее пестрый, чем состав «условных профессоров»: были пришедшие

из школы, но в основном это были уже взрослые люди с фронтов гражданской войны, донашивавшие свое военное обмундирование. Были «вечные студенты» — учившиеся и работавшие по 10 лет, были дети высокой петербургской интеллигенции, в свое время воспитывавшиеся с гувернантками и свободно говорившие на двух-трех иностранных языках (к таким принадлежали учившиеся со мной И. И. Соллертинский, И. А. Лихачёв (будущий переводчик), П. Лукницкий (будущий писатель), да и многие другие).

На факультете были отделения. Было ОПО — общественно-педагогическое отделение, занимавшееся историческими науками, было этнолого-лингвистическое отделение, названное так по предложению Н. Я. Марра, — здесь занимались филологическими науками. Этнолого-лингвистическое отделение делилось на секции. Я выбрал романо-германскую секцию, но сразу стал заниматься и на славяно-русской.

Обязательного посещения лекций в те годы не было. Не было и общих курсов, так как считалось, что общие курсы мало что могут дать фактически нового после школы. Студенты сдавали курс русской литературы XIX века по книгам, прочесть которых надо было немало.

Я окончил университет в 1928 году, написав две дипломные работы: одну о Шекспире в России в конце XVIII — самом начале XIX века, другую — о повестях о патриархе Никоне.

К концу моего учения надо было еще зарабатывать на хлеб, службы было не найти, и я подрядился составлять библиотеку для Фонетического института иностранных языков. Институт был богатый, но деньги мне платили неохотно. Я работал в Книжном фонде на Фонтанке в доме № 20, возглавлявшемся Саранчиным. И снова поразительные подборки книг из различных реквизированных библиотек частных лиц и дворцов, редкости, редко-

сти и редкости. Было жалко подбирать это все для Фонетического института. Я старался брать расхожее, необходимое, остальное, наиболее ценное, оставляя неизвестно кому.

Что дало мне больше всего пребывание в университете? Трудно перечислить все то, чему я научился и что я узнал в университете. Дело ведь не ограничивалось слушанием лекций и участием в занятиях. Бесконечные и очень свободные разговоры в длинном университетском коридоре. Хождения на диспуты и лекции (в городе было тьма-тьмуца различных лекториев и мест встреч — начиная от Вольфила на Фонтанке, зала Тенишевой (будущий ТЮЗ), Дома печати и Дома искусств и кончая небольшим залом в стиле модерн на самом верху Дома книги, где выступали Есенин, Чуковский, различные прозаики, актеры и т. д.). Посещения Большого зала Филармонии, где можно было встретить всех тогдашних знаменитостей — особенно из музыкального мира. Все это развивало, и во все эти места открывал доступ университет, ибо обо всем наиболее интересном можно было узнать от товарищей по университету и Институту истории искусств. Единственное, о чем я жалею, это о том, что не все удалось посетить.

9 Доверие
как движение

Однако вернусь к школьной поре. Один летний месяц из того времени имел огромное значение для формирования моей личности, моих интересов и, я бы сказал, моей любви к Русскому Северу: школьная экскурсия в 1921 году на север — по Мурманской железной дороге в Мурманск, оттуда на паровой яхте в Архангельск вокруг Кольского полуострова по Белому морю, на пароходе по Северной Двине до Котласа и оттуда по железной дороге в Петроград. Двухнедельная эта школьная экскурсия сыграла огромную роль для моих представлений о России, о фольклоре, о деревянной архитектуре, о красоте русской северной природы. Путешествовать нужно по родной стране как можно раньше и как можно чаще. Школьные экскурсии устанавливают и добрые отношения с учителями, вспоминаются потом всю жизнь. В школе я наловчился рисовать карикатуры на учителей: просто — одной-двумя линиями. И однажды на перемене нарисовал всех на классной доске. И вдруг вошел преподаватель. Я обмер. Но преподаватель подошел, смеялся вместе с нами (а на доске был изображен и он сам) и ушел, ничего не сказав. А через два-три урока пришел в класс наш классный наставник и сказал: «Дима Лихачёв, директор просит вас повторить все ваши карикатуры на бумаге для нашей учительской комнаты».

Были у нас умные педагоги.

В школе Лентовской, где я учился, поощрялось собственное мнение учеников. В классе часто шли споры. С тех пор я стремлюсь сохранять в себе самостоятельность во вкусах и взглядах.

Для моего любимого преподавателя литературы Леонида Владимировича Георга существовал прежде всего Пушкин, но существовала и вся другая литература — не скажу даже, что на втором плане. Когда он чем-нибудь интересовался, — все становилось в этом «чем-нибудь» первопланнным. (Кстати, он очень ценил и поощрял А. Введенского, который уже в школе (он был старше меня на 1 или 2 класса), писал свои «обэриутские» стихи.)

В разные годы, в разных условиях мне нравятся совершенно различные произведения западных литератур. То тянет перечитать Диккенса, то Джойса, то Пруста, то Шекспира, то Норвида... Мне легче перечислить тех авторов, которых мне не хочется перечитывать. А вообще-то я очень жаден к перечитыванию. А ведь я не перечислил еще философов, которых люблю и мнение которых я могу даже, как бы играя, временно и с удовольствием разделять. Ведь философские теории и мироощущения имеют для меня еще и эстетическую ценность. Философы — художники, и мы не должны закрываться от них ширмами собственных взглядов. Впрочем, вопрос этот очень сложный — как воспринимать философские концепции. Возражая и «отругиваясь», мы многого себя лишаем.

Первое время после переезда в казенную квартиру на Петроградской стороне (Гатчинская, 16, или Лахтинская, 9) я продолжал учиться у Мая. В ней я пережил самые первые реформы школы, переход к трудовому воспитанию (уроки столярного искусства сменились пилкой дров для отопления школы), к совместному обучению мальчиков и девочек (к нам в школу перевели девочек из соседней школы) и т.д. Но ездить в школу в пере-

полненных трамваях стало совершенно невозможно, ходить — еще труднее, так как затруднения в тогдашнем Петрограде с едой были ужасными. Мы ели дуранду (спрессованные жмыхи), хлеб из овса с кострицей, иногда удавалось достать немного мороженой картошки, за молоком ходили пешком на Лахту и получали его в обмен на вещи. Меня перевели поблизости в школу Лентовской на Плуталовой улице. И снова я попал в замечательное училище. Сравнительно со школой Мая «Лентовка» была бедна оборудованием и помещениями, но была поразительна по преподавательскому составу. Школа образовалась после революции 1905 года из числа преподавателей, изгнанных из казенных гимназий за революционную деятельность. Их собрала театральная антрепренер Лентовская, дала денег и организовала частную гимназию, куда сразу стали отдавать своих детей левонастроенные интеллигенты. У директора (Владимира Кирилловича Иванова) в директорском его кабинете была библиотечка революционной марксистской литературы, из которой он секретно давал читать книги заслуживающим доверия ученикам старших классов.

Между учениками и преподавателями образовалась тесная связь, дружба, «общее дело». Учителям не надо было наводить дисциплину строгими мерами. Учителя могли постыдить ученика, и этого было достаточно, чтобы общественное мнение класса было против провинившегося и озорство не повторялось. Нам разрешалось курить, но ни один из аборигенов школы этим правом не пользовался.

10 Этажи
заботы

Этажи заботы. Забота скрепляет отношения между людьми. Скрепляет семью, скрепляет дружбу, скрепляет односельчан, жителей одного города, одной страны.

Проследите жизнь человека.

Человек рождается, и первая о нем забота — матери, постепенно (уже через несколько дней) вступает в непосредственную связь с ребенком забота о нем отца (до рождения ребенка забота о нем уже была, но была до известной степени «абстрактной» — к появлению ребенка родители готовились, мечтали о нем).

Чувство заботы о другом появляется очень рано, особенно у девочек. Девочка еще не говорит, но уже пытается заботиться о кукле, нянчит ее. Мальчишки, совсем маленькие, любят собирать грибы, ловить рыбу. Ягоды, грибы любят собирать и девочки. И ведь собирают они не только для себя, а на всю семью. Несут домой, заготавливают на зиму.

Постепенно дети становятся объектами все более высокой заботы и сами начинают проявлять заботу настоящую и широкую — не только о семье, но и о школе, куда поместила их забота родительская, о своем селе, городе и стране...

Забота ширится и становится все более альтруистичной. За заботу о себе дети платят заботой о стариках родителей — когда они уже ничем не могут от-

платить за заботу детей. И эта забота о стариках, а потом и о памяти скончавшихся родителей как бы сливается с заботой об исторической памяти семьи и родины в целом. Если забота направлена только на себя, то это эгоист.

Забота — вот то, что объединяет людей, крепит память о прошлом, направлена целиком на будущее. Это не само чувство — это конкретное проявление чувства любви, дружбы, патриотизма. Человек должен быть заботлив. Незаботливый или беззаботный человек — скорее всего человек недобрый и не любящий никого.

Нравственности в высокой степени свойственно чувство сострадания. В сострадании есть сознание своего единства с человечеством и миром (не только людьми, народами, но и с животными, растениями, природой и т.д.) Чувство сострадания (или что-то близкое ему) заставляет нас бороться за памятники культуры, за их сохранение, за природу, отдельные пейзажи, за уважение к памяти. В сострадании есть сознание своего единства с другими людьми, с нацией, народом, страной, вселенной. Именно поэтому забытое понятие сострадания требует своего полного возрождения и развития.

«Человек человеку — волк», — любят повторять люди дурных наклонностей. Но мало кто слышал другую сентенцию: «Человек человеку святыня». Сенека (кажется) утверждал, что «общество человеческое похоже на свод, где различные камни, держась друг за друга, обеспечивают прочность целого». Это удивительно верно. Один только пример: мы идем по улице и доверяем, интуитивно доверяем тысячам водителей, их опытности и элементарным нравственным устоям. Не их дипломам, уличным правилам движения и

службе милиции только доверяем, а доверяем им как людям с чувством ответственности.

Человек становится человеком, находясь среди себе подобных.

Еще мне вспоминается изречение: «Благоразумие — лучшая часть доблести».

Блокада

Разразилась война. На призывном пункте меня с моими постоянными язвенными кровотечениями начисто забраковали, и я довольствовался участием в самообороне, жил на казарменном положении в институте, работая «связистом» и дежуря на башне Пушкинского Дома. В моем ведении была ручная сирена, которую я приводил в действие при каждом налете вражеской авиации. Спал я то на крыловском диванчике, то на большом диване из Спасского-Лутовинова, и думал, думал. Жена старалась дома выкупить весь паек на всех, вставала ночью, чтобы занять очередь первой в магазин. Детей тогда было приказано вывозить из Ленинграда, взрослым же оставаться. Но мы своих детей скрывали на Вырице, откуда их вывез перед самым занятием ее немцами заведующий корректорской издательства Академии наук М. П. Барманский. Если бы не он, остался бы я без семьи. Мы в Пушкинском Доме и не подозревали, что враг так близок к Ленинграду, хотя и ездили на окопные работы — сперва у Луги, потом у Пулкова.

Удивительно, что, несмотря на голод и на физические работы по спасению наших ценностей в Пушкинском Доме, несмотря на все нервное напряжение тех дней (а может быть, именно благодаря этому нервному напряжению), язвенные боли у меня совсем прекратились, и я находил время читать и работать.

Не касаюсь сейчас истории нашей жизни в заблокированном Ленинграде. Скажу лишь следующее: потери в нашем институте, в нашей семье, среди наших знакомых и родных были ужасающие: больше половины моих родных и знакомых погибло от истощения. Мы очень плохо представляем себе, сколько людей унес голод и все остальные лишения.

Однако мозг в голод работал напряженно. Я даже думаю, что эта усиленная работа голодающего мозга «запрограммирована» в человеке. Особенно остро мыслить в период лишений и опасности необходимо для сохранения жизни. Но думалось в этот период не о том — как бы избежать этих лишений, а об общих судьбах нашей страны, России.

Миллионы людей уже не знают — что такое была блокада. Представить себе это невозможно. А что говорить о приезжих, об иностранцах?

Чтобы чуточку представить себе, что такое была блокада, надо зайти в школу, когда кончаются уроки. Посмотрите на этих шумных детей и представьте себе именно их, но в десятках тысяч, молча лежащих в своих постельках в промерзлых квартирах, без движения, даже не просящих пищи, а только выжидательно на вас смотрящих.

А еще представьте себе или вспомните (это было совсем недавно), те отсутствующие классы в ленинградских школах, которые приходились на годы рождения их учащихся — особенно 1941—1942.

Об окончании войны я узнал утром на улице — по лицам и поведению прохожих: одни смеялись и обнимали друг друга, другие одиноко плакали. Какое другое событие могло вызвать столько радости и такую волну горя? Плакали о тех, кто погиб, умер от истощения в Ленинграде, не дождался встречи с родными, кто оказался изуродованным и нетрудоспособным. Я и сам, прежде

чем взять в руки газету, думал о многих самых мне близких людях, умерших от голода в Ленинграде и убитых на фронте. Была и тревога за тех, о ком долго не было известий: живы ли они, сохранились ли? Хотелось встречаться, говорить; множество чувств, и самых разнообразных, овладевало мной и другими.

Не помню только одного: чувства мстительного торжества.

Понять значение победы можно было только масштабно. Все же исторические последствия победы будут изучать еще не одно десятилетие. Грандиозность же масштабов происшедших событий была ясна сразу, и в те дни, может быть, даже яснее, чем в последующее время. Только люди, пережившие всю горечь поражений первого года, весь ужас блокады Ленинграда, ясно осознавали — от чего они освободились и что, думалось тогда, никогда не сможет повториться.

Если бы люди во всем мире обладали и сохраняли живое чувство ужаса от пережитого во время войны, современная политика строилась бы иначе.

АЛЕКСАНДРУ СЕРГĖЕВИЧУ
ПУШКИНУ.

12 Пушкин

Почему именно Пушкин стал знаменем русской культуры, как Шевченко — украинской, Гете — немецкой, Шекспир — английской, Данте — итальянской, Сервантес — испанской? Если бы пришлось определять день Праздника русской культуры, то лучшего дня, чем день рождения Пушкина, и искать бы не пришлось!

В истории русской культуры можно было бы назвать десятки имен не менее гениальных, но среди них нет имени более значительного для нашей культуры, чем имя Пушкина. Хотя понять русский характер нельзя без Пушкина, но этот характер, нельзя понять и без Л. Толстого, без Достоевского, без Тургенева, а в конце концов и без Лескова, без Есенина, без Горького.

Так почему же все-таки первым из первых возвышается в нашей культуре Пушкин?

Пушкин — это гений, сумевший создать идеал нации. Не просто «отобразить», не просто «изобразить» национальные особенности русского характера, а создать идеал русской национальности, идеал культуры.

Пушкин — это гений возвышения, гений, который во всем искал и создавал в своей поэзии наивысшие проявления: в любви, в дружбе, в печали и в радости, в военной доблести. Во всем он создал то творческое напряжение, на которое только способна жизнь. Он высоко поднял идеал чести и независимости поэзии и поэта.

Пушкин — величайший преобразователь лучших человеческих чувств. В дружбе он создал идеал возвышенной лицейской дружбы, в любви — возвышенный идеал отношения к женщине-музе («Я помню чудное мгновение...»). Он создал возвышенный идеал самой печали. Три слова «печаль моя светла» способны были утешить тысячи и тысячи людей. Он создал поэтически-мудрое отношение к смерти («Брожу ли я вдоль улиц шумных...»). Он открыл возвышающее значение памяти и воспоминаний. Поэзия его полна высоких воспоминаний молодости. Воспоминания молодости сливаются с памятью истории. Никто из поэтов не уделял русскому прошлому столько произведений — и эпических, и драматических, и лирических в стихах, и лирических в прозе. Именно в воспоминаниях рождается у Пушкина притягательный, горький образ прошлого и мудрые объяснения настоящего. Он создал основные живые человеческие образы русской истории, в представлениях о которых мы сохраняем некоторую традиционность, идущую от него. Это образы Бориса Годунова, Петра, Пугачева... Он создал их как бы угадав в них основную коллизию русского исторического прошлого: народ и царь-деспот.

Он дал основное направление русскому роману XIX века — «усадебному роману», как бы распределив в нем и основные роли: Онегин и Татьяна — это своего рода конфликтные центры, которые мы найдем у Гончарова, Тургенева.

Пушкин в кратчайшей и выразительной форме выразил основные достижения поэзии мировой, дал как бы символы наивысших достижений мировой литературы: «К Овидию», «Из Катулла», «Подражание Корану», «Суровый Дант не презирал сонета...», «Из Гафиза», «К переводу Илиады», «Из Анакреона», «Подражание арабскому», «Отцы пустыньники и жены непорочны...», «Песни западных славян» и гениальные по проникновению в самую суть художественных произведений «Сцена из «Фауста», «Каменный гость» и мно-

гое другое. Не случайно он считал Россию «судилищем» европейской культуры — ее истолкователем и ценителем.

Возвышение духа — вот что характеризует больше всего поэзию Пушкина. Могут спросить, как это согласуется, с тем, что порой сам он мог быть «ничтожен» среди ничтожных? Всегда ли сам он в собственной жизни был так возвышен? Не нужно спрашивать. Это не должно нас интересовать. Цветы растут, и они прекрасны. Разве должны мы пачкать их огородной землей. Он сам творил свой человеческий образ, заботился о его простоте и обыденности. Это не следует забывать. Он хотел быть «как все».

И даже если бы Пушкин оказался застегнут в редингот проповедника на все пуговицы и крючки, — уверен, его поэзия лишилась бы известной доли своей притягательности. Поэт в какой-то мере должен быть «ничтожен» в жизни, чтобы поэзия его приобрела подлинное обаяние возвышенности. Как человек он не мог ходить на котурнах, ибо это создало бы непреодолимую дистанцию между ним и нами. Он играл в наши игры, чтобы суметь овладеть нами в чем-то самом значительном. Поэт непременно должен быть обыкновенен в жизни, чтобы его поэзия приобрела подлинное обаяние возвышенности. Творчество всегда преображение, всегда рождение из сора. На чистом мраморе не растут цветы. И «обыкновенность» Пушкина-человека среди обыденности других людей — другое, таинственное, носящее печать вневременности.

Нам необходимо пройти хоть немного вместе с Пушкиным по путям, оставленным им для нас в своей поэзии. Он служит нам и в любви, и в горести, и в дружбе, и в думах о смерти, и в воспоминаниях. Это первый поэт, который открывается нам в детстве и остается с нами до смерти.

«Пушкин это наше все», — сказал о нем Аполлон Григорьев. И он был прав, потому что преобразующая и возвышающая сила поэзии Пушкина находит нас во все ответственные мгновения нашей жизни.

13 Дружба по Пушкину

Николай Ге.
А.С.Пушкин в селе Михайловском

Удивительно — какую огромную роль в жизни и поэзии Пушкина играла дружба. Дружба была вдохновительницей большинства его стихотворений, самых высоких переживаний. Исследовать роль дружбы в творчестве Пушкина и в его жизни (по письмам, например) было бы крайне важно, так как именно это было одним из отличий пушкинской поэзии от предшествующей.

Даже его отношения с женщинами по большей части носили этот характер дружбы.

И другое, что было вдохновителем и содержанием поэзии Пушкина, — это воспоминание. Об этом писал сам Пушкин, и об этом напомнил в «Книге отражений» Иннокентий Анненский. В письме к Дельвигу Пушкин писал: «Чем нам и жить, душа моя, под старость нашей молодости, как не воспоминаниями?»

«Под старость нашей молодости»: здесь интересны два оттенка мысли, первый — молодость «наша», общая, ибо состоит в общении молодых; и второй — каждый возраст, очевидно, имеет на исходе дней свою старость. Старость имеет и молодость.

Многие считают лицейские стихотворения Пушкина слабыми. Но без лицейских стихов и без воспоминаний о лицейских товарищах не было бы его апофеоза дружбы в последующих стихах. Ведь поэзия поэта имеет свою собственную память. Поздние стихи «помнят» о ранних.

14 Дыма белы

Некоторые книги, прочитанные мною еще в молодые годы, запали мне в душу, хотя и автор неизвестный и тема иногда странная. Запомнилась мне книга (вернее — брошюрка) какого-то Селиванова «Душа вещей», изданная в начале века где-то в Рязани или другом провинциальном старинном русском городе.

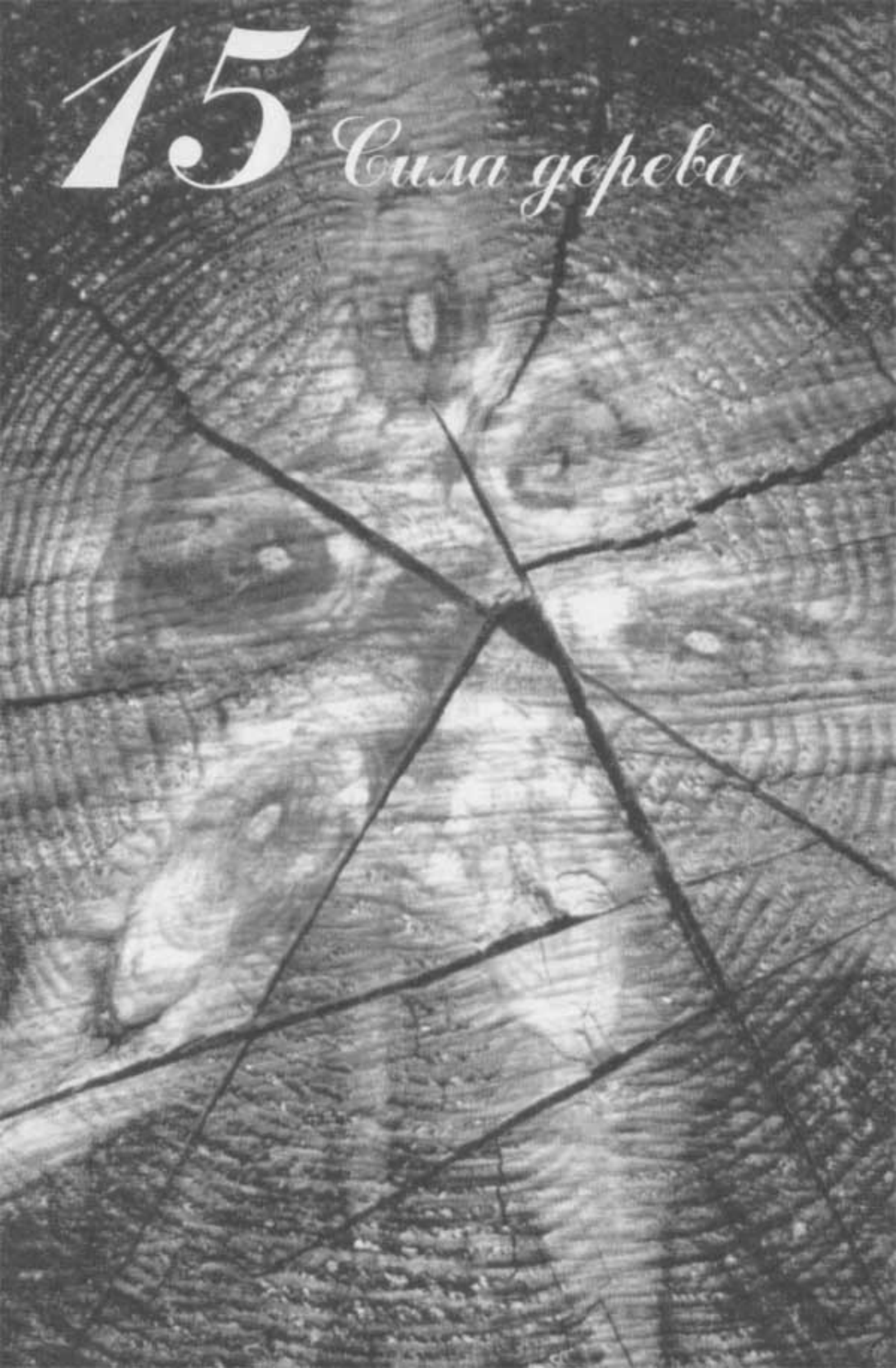
Автор утверждает, что вещи имеют душу, волю, привязанности, заставляющие их после многих скитаний по магазинам, перепродаж вернуться в семью их прежних хозяев. Он приводит множество примеров о том, как вещи возвращались...

Имеют ли вещи душу — все-таки остается неясным, но ясно другое: душевное отношение хозяев к семейным креслам, столам, бюро и т. д. Вещи связаны тысячами воспоминаний с их прежними владельцами, с теми, кто ими просто пользовался. Вещи учреждений не менее замечательны в этом отношении, чем вещи семейные.

Но вещи можно любить и за их красоту, за то, что их делали мастера с любовью, тщательно, умно, с выдумкой, а иногда и улыбкой.

«Улыбающиеся семейные предметы» — в них что-то бывает диккенсовское, из «Пиквикского клуба» (рассказ старого кресла).

15 *Сила дерева*

Интересные сведения о красном дереве (mahogany) я прочел в одном английском издании. Оказывается, в XVII веке красное дерево ценили за его чудный запах.

Об этом писал в 1672 году Richard Blome в книге «Description of Jamaica» («Описание Ямайки»). Описав разные сорта столярного дерева, он отметил, что в деревянных изделиях можно отметить «many other excellent sweet smellings» («много других превосходных сладостных запахов»).

К «красному дереву» принадлежат многие породы деревьев.

Вообще, надо сказать, запахи ценились два-три столетия назад больше, чем сейчас: запахи цветов, едва уловимые запахи обработанного дерева и пр.

Петр I приказывал сажать в первую очередь душистые цветы, а по дорожкам, вместо того чтобы посыпать их гравием, сажать мяту, которая пахнет, когда по ней ходишь («мнешь» ее).

Технические качества красного дерева (прочность, сопротивляемость переменам температуры, возможность делать «cabriole legs» <«витые ножки»>, изогнутые ручки и пр.) первыми оценили испанцы.

Они употребляли его в кораблестроении, а потом в своих домах и в церквах в американских владениях.

В Европе красное дерево впервые стали употреблять англичане. Ввозили дерево с Ямайки и из Гондураса.

Лучшее дерево по крепости и фактуре добывали в горах.

Первое по качеству дерево считалось с Ямайки, от туда ввозилось дерево с начала и до середины XVIII века (точнее до 1780 года), пока его запасы не уменьшились.

В XVIII веке дерево ценилось в столярных работах за эстетические качества: во-первых, это дерево экзотическое, во-вторых, хорошо полируется, красива поверхность, цвет, слои (при использовании его для фанеровки), прекрасно годится для резьбы.

В русском военном флоте столяры часто делали мебель из массива.

Красное дерево во флоте было относительно доступнее и необходима была в первую очередь прочность.

Нашей семье досталось бюро героя Севастопольской обороны адмирала Истомина.

Оно стояло у него в каюте. Внизу — три ящика для белья.

В средней части — выдвигной письменный столик с ящичками для письменных принадлежностей. Выше — буфет и книжный шкаф.

Сверху была раньше решеточка, чтобы не съезжало во время качки или парусного крена что-то, что можно было класть на бюро сверху.

Бюро имеет «модные» для пятидесятых годов формы (закругленные углы), но невероятно тяжелое, так как сделано на совесть и из массива.

Разумеется, никакого «пламени», достигавшегося при фанеровке красным деревом, в нем нет.

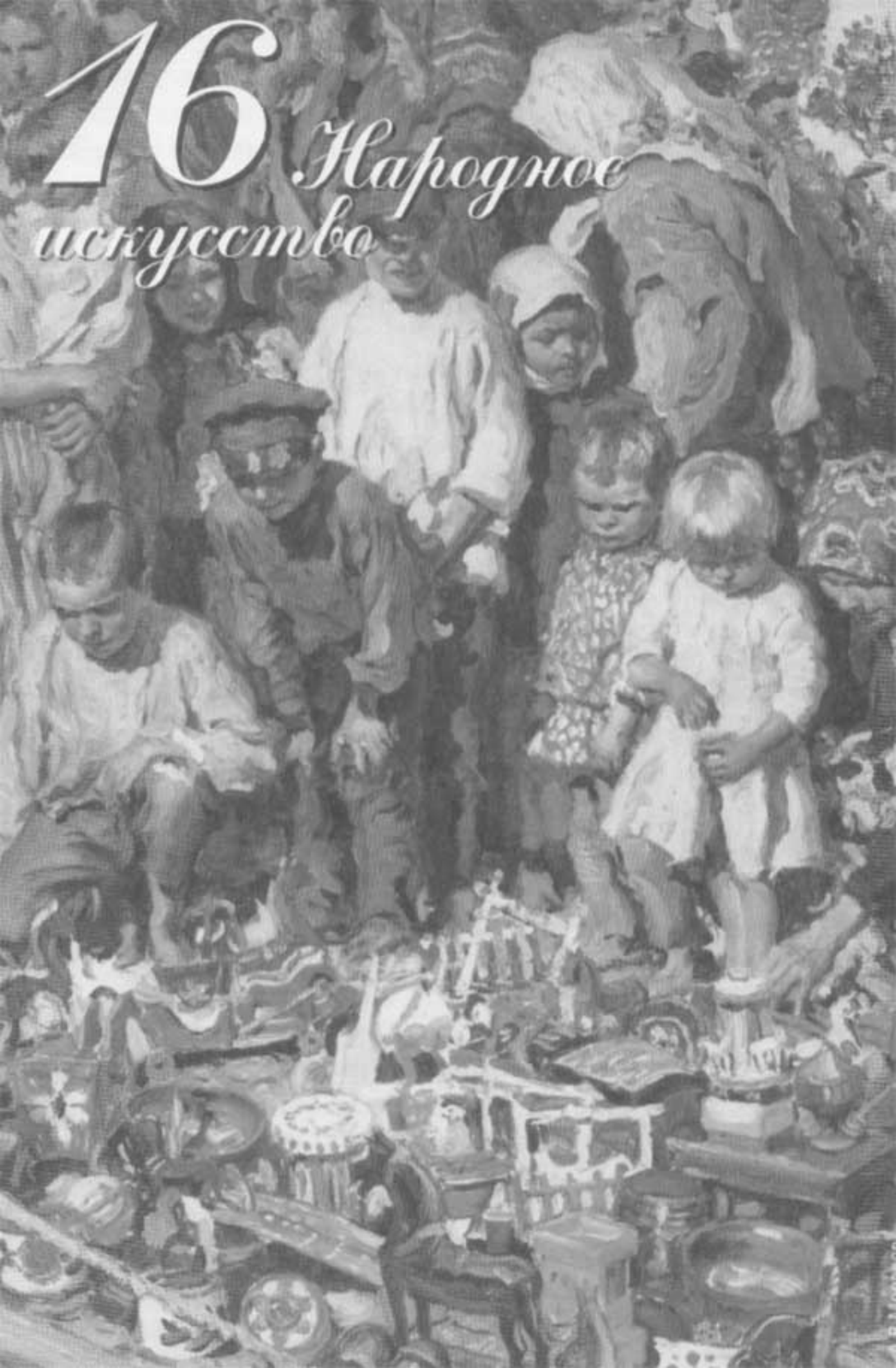
А о «пламени»: самое красивое «пламя» все же в мебели из орехового дерева. Ореховое дерево мягкое,

ломкое (а потому редкое), но извивыв в нем удаются превосходно.

Орех — мое любимое столярное дерево в мебели. Это не значит, конечно, что я его собираю или оно у меня есть. Я люблюсь им.

16 Народное искусство

Народное искусство наиболее близко к человеку, ибо оно хоровое, рабочее (его держит человек в руке), одевающее его, окружающее его (в избе, например), действующее вместе с ним... Оно насквозь прикладное.

Народное искусство поражает двумя особенностями (наряду с другими): всеохватностью и единством. «Всеохватность» — это пронизанность всего, что выходит из рук и уст человека, художественным началом. Единство — это прежде всего единство стиля, народного вкуса. В едином стиле и дом, и все, что в доме, и все, что сделано человеком вокруг дома, все, что творится им изустно. Обе эти особенности объясняются тем, что искусство во всех его формах подчинено, как высшему началу, стабильному укладу жизни. Все праздники, все обычаи, все правила поведения создают единое искусство. Каждый предмет, каждая песнь, выхваченная из обряда и быта, теряет наполовину значимость и красоту.

Но столь активный быт, столь единый обиход, командующий искусством, возможен только в обществе, живущем единой жизнью, то есть крестьянской среде, где всем в конечном счете владеет природа, устанавливающая годовые праздники, календарный быт.

Обычаи и обряды наиболее сильно выражаются в праздниках. Народное искусство связано с обиходом и

обрядом. Вот почему оно одновременно и празднично. Фольклор вещевой, словесный и музыкальный — это праздничное обряжение жизни.

Традиционность народного искусства в значительной мере объясняется тем, что художественная систематизация впечатлений совершается вся в одном стиле, одними и теми же привычными способами. Поэтому-то крестьянин подчиняет все в своей избе и вне ее одной манере, одному художественному методу. Его искусство не знает колебаний. Смелость традиции позволяет крестьянину художественно едино создавать прялку, ложку, конек избы, сани, солонку, соху, одежду и т. д. — все бытовые предметы. Все в той или иной округе, все вещи созданы как бы одним мастером. Индивидуальное сказывается еще мало. И при этом нет безвкусицы, нет произведений антихудожественных. Правда, художественность народных произведений то выше, то ниже, но нет безобразных.

Художественный стиль в народном искусстве всегда один в данной местности, у данного населения. Все воспринимается и изображается в одном стилистическом ключе.

Прогресс в искусстве состоит в том, что появляется много различных способов художественного восприятия действительности. Человек постепенно овладевает способностью «видеть» и «слышать», а соответственно и творить в двух или даже нескольких стилистических системах.

Французский классицизм существует рядом с барокко в одной стране и в одно время. Индивидуальное начало растет постепенно (оно всегда есть, конечно, но занимает второе место в стилистической системе). В романтизме индивидуальное начало приобретает уже значение определяющего в стиле, а вместе с тем появляется и интерес к стилям другого времени и других стран. Недаром в романтизме такое важное место занимает обращение к национальным и историческим стилям — к готике, к китайщине, к турецким и арабским особенностям искусства и к на-

родному искусству во всех сферах. Романтик ищет себя среди многообразия стилистических восприятий мира. Он понимает, что мир можно художественно организовать по-разному, в разных «вкусах». И уже в этот период появляется (что отнюдь не случайно) наряду с разными вкусами и безвкусица. Безвкусица XIX и XX веков это контрастное явление хаоса, хаоса, притворяющегося искусством, хаоса, организованного хаотически (пусть меня простят за такую бестолковщину в словах), то есть ложно организованного, а по существу остающегося хаосом, но хаосом, обретшим агрессивность и благодаря этому способным сопротивляться попыткам его организовать стилистически. Безвкусица — это не просто отсутствие вкуса, а нечто несущее в себе сопротивление вкусу.

В самом деле. Шум моря, шум леса, даже уличный шум можно организовать музыкально (ср. «Вечера в Вене» Листа), но шум оркестра, фальшиво пытающегося исполнить музыкальное произведение, уже невозможно преобразовать в нечто художественное, если только не заставить оркестр верно исполнить произведение, вернуться к правильному исполнению. Поэтому безвкусица — это хаос, приобретший броню против искусства.

Поскольку появилась опасность ухода от искусства в безвкусицу, в антиискусство, эту опасность стала предотвращать критика. Появилась критика и все виды искусствознания. Это самозащита искусства. Народное искусство в свое время в такой самозащите не нуждалось.

17 Пастор на коньках

Генри Ребёрн.
Преосвященный Роберт Уолкер,
катающийся на коньках

*М*не всегда очень нравилась картина Ребёрна «The Rev. Robert Walker Skating» («Преосвященный Роберт Уолкер, катающийся на коньках»). В Национальной галерее в Эдинбурге я видел ее «в натуре».

Дело не в живописных достоинствах этой картины (они есть), а в достоинствах конькобежного стиля: чистое катание на коньках. Почтенный пастор (ему, вероятно, под пятьдесят) степенно, свободно и с удовольствием скользит по свободному льду. И судя по следам на льду — кружится. Прекрасно!

И насколько это отличается от современных танцев на льду, от пошлейших «цыганских» страстей их постановщиков. Безвкусица — что-то от мюзик-холла, что-то от балета, что-то от «системы Станиславского», ненужная эмоциональность и изобразительность.

А здесь — чистое наслаждение движением.

Должно быть, его катание на коньках было очень красивым, пастор движется с достоинством в обыкновенной пасторской одежде, и в его движениях нет ничего привходящего извне — от других искусств, представлений. И никаких эффектов.

18

«Троица»

Федоткин

 «Троице» Рублева. Самопогружение личности в индивидуальные переживания не было в конце XIV — начале XV века уходом от сопереживаний с другими людьми: от чувства сострадания, от чувства материнства, отцовства, чувства ответственности за грехи других людей.

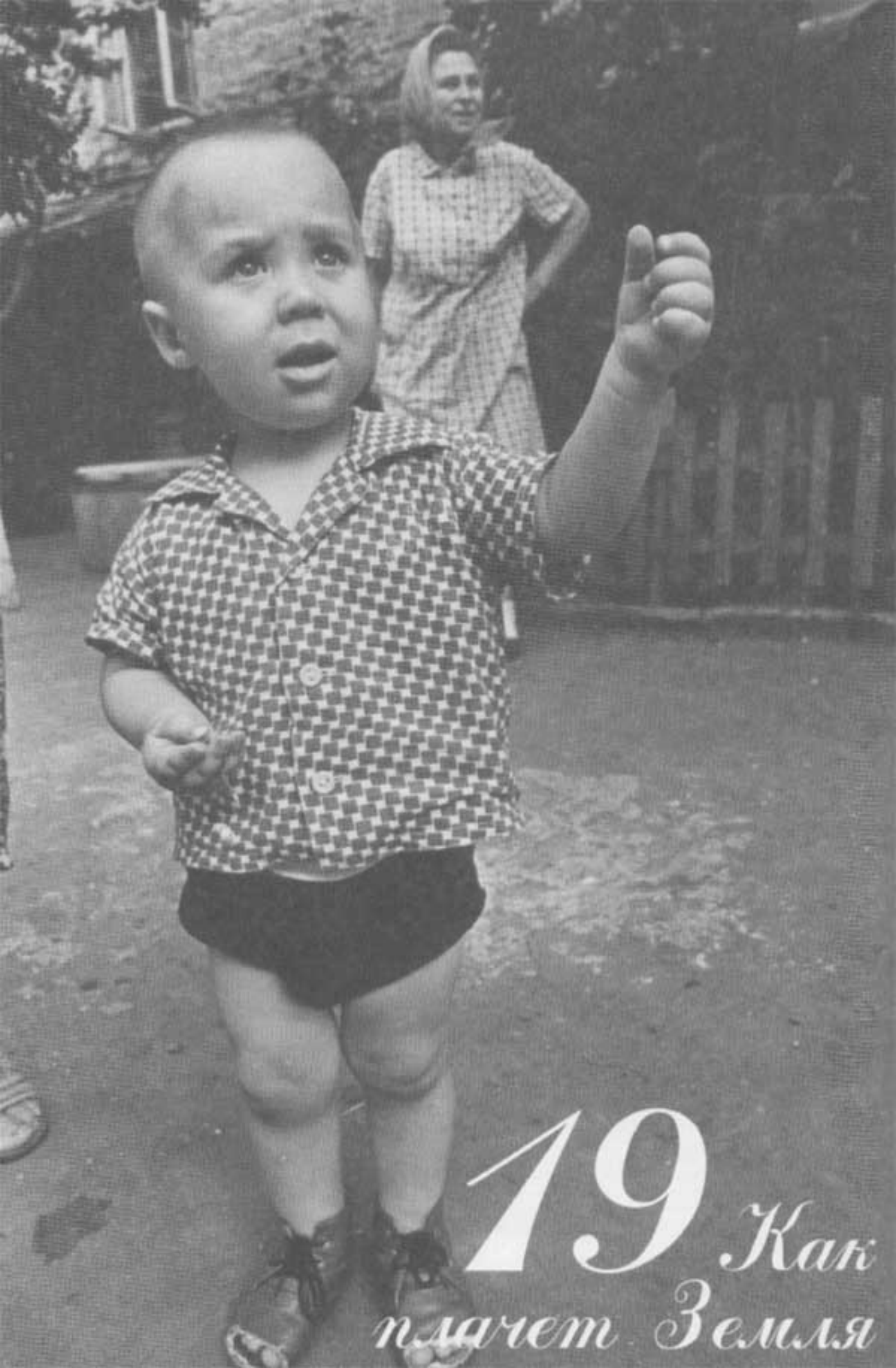
Символ этой «соборной индивидуализации» — икона «Троица».

Все три ангела погружены в свои собственные мысли, но находятся между собой в гармоническом согласии.

И мы верим, что их «безмолвная беседа», согласие между собой знаменуют истинное единение.

Они думают одну думу.

Поэтому индивидуализация в высшем своем проявлении не есть отход от человеческой культуры, а есть высшая форма проявления культуры человечества.

19 Как
плачет Земля

У Земли, у Вселенной есть своя скорбь, свое горе. Но плачет Земля не слезами — пьяницами, уродами, недоразвитыми детьми, неухоженными, покинутыми стариками, калеками, больными... И еще плачет она без толку вырубленными лесами, обвалами берегов в переполненных слезами Земли водохранилищах, затопленными угодьями, лугами, переставшими лелеять на себе стада и служить человеку сенокосами, асфальтовыми дворами с вонючими баками, между которыми играют дети.

Стыдливо заволакивают Землю желтые «производственные» дымы, кислые дожди, навеки скрывается все живое, занесенное в красные похоронные книги. Становится Земля жалкой «биосферой».

Ищут нетронутые уголки Земли жалостливые живописцы. Но на смену им приходят более строгие и более стойкие фотографы. Там, где не выдерживают нервы художников, там выдерживают фотографы и их аппараты.

Фотографы-обличители — наша совесть. И хирурги!

Нужно запоминать, видеть, жалеть и размышлять. «Красивыми» и «счастливыми» их снимки быть не могут. Они, как призывы совести, если и облекутся в красивую форму, — станут неизбежно лицемерными и «успокаивающими». Эти фотографии огорчают людей, но все же в них есть своя, особая красота.

идеи,
логика
двух
и так
и так

«*Р*усская классическая литература» — это не просто «литература первого класса» и не литература как бы «образцовая», ставшая классически безупречной, благодаря своим высоким чисто литературным достоинствам.

Все эти достоинства, конечно, есть в русской классической литературе, но это далеко не все. Эта литература обладает и своим особым «лицом», «индивидуальностью», характерными для нее признаками.

И я бы прежде всего отметил, что творцами русской классической литературы выступали авторы, обладавшие громадной «общественной ответственностью».

Русская классическая литература — не развлекательная, хотя увлекательность ей свойственна в высокой мере. Это увлекательность особого свойства: она определяется предложением читателю решать сложные нравственные и общественные проблемы — решать вместе: и автору и читателям. Лучшие произведения русской классической литературы никогда не предлагают читателям готовых ответов на поставленные общественно-нравственные вопросы. Авторы не морализируют, а как бы обращаются к читателям: «Задумайтесь!», «Решите сами!», «Смотрите, что происходит в жизни!», «Не прячьтесь от ответственности за все и за всех!» Поэтому ответы на вопросы даются автором вместе с читателями.

Русская классическая литература — это грандиозный диалог с народом, с его интеллигенцией в первую очередь. Это обращение к совести читателей.

Нравственно-общественные вопросы, с которыми русская классическая литература обращается к читателям, — не временные, не сиюминутные, хотя они и имели особое значение для своего времени. Благодаря своей «вечности» вопросы эти имеют такое большое значение для нас и будут его иметь для всех последующих поколений.

Русская классическая литература вечно живая, она не становится историей, «историей литературы» только. Она беседует с нами, ее беседа увлекательна, возвышает нас и эстетически, и этически, делает нас мудрее, приумножает нашу жизненную опытность, позволяет нам пережить вместе с ее героями «десять жизней», испытать опыт многих поколений и применить его в своей собственной жизни. Она дает нам возможность испытать счастье жить не только «за себя», но и за многих других — за «униженных и оскорбленных», за «маленьких людей», за безвестных героев и за моральное торжество высших человеческих качеств...

Истоки этого гуманизма русской литературы — в ее многовековом развитии, когда литература становилась иногда единственным голосом совести, единственной силой, определявшей национальное самосознание русского народа, — литература и близкий ей фольклор. Это было в пору феодальной раздробленности; в пору чужеземного ига, когда литература, русский язык были единственными связующими народ силами.

Русская литература всегда черпала свои огромные силы в русской действительности, в общественном опыте народа, но помощью ей служили и иноземные литературы; сперва византийская, болгарская, чешская, сербская, польская, античная литературы, а с петровской эпохи — все литературы Западной Европы.

Литература нашего времени выросла на основе русской классической литературы.

Усвоение классических традиций — характерная и очень важная черта современной литературы. Без усвоения лучших традиций не может быть движения вперед. Нужно только, чтобы не было пропущено, забыто, упрощено в этих традициях все наиболее ценное.

Мы ничего не должны растерять из нашего великого наследия.

«Книжное чтение» и «почитание книжное» должно сохранить для нас и для будущих поколений свое высокое назначение, свое высокое место в нашей жизни, в формировании наших жизненных позиций, в выборе этических и эстетических ценностей, в том, чтоб не дать замусорить наше сознание различно рода «чтивом» и бессодержательной, чисто развлекательной безвкусицей.

Суть прогресса в литературе состоит в расширении эстетических и идейных «возможностей» литературы, создающихся в результате «эстетического накопления», накопления всяческого опыта литературы и расширения ее «памяти».

24

Обереги

Отдельные сюжеты средневековых скульптур имеют функцию «оберегов»: Вознесение Александра Македонского на грифонах (о характере этого сюжета говорил мне Андре Грабар; такое изображение есть в Сицилии), Три отрока в печи огненной, Семь спящих эфесян, Даниил во рву львином, то же и деисус (Моление за спасение людей на Страшном суде Богоматери и Иоанна Крестителя, или Богослова).

Оберегами являются и львы (согласно физиологической саге средневековья, они спят с открытыми глазами).

Во всех сюжетах имеется в виду спасение или охранение людей.

Один бенедиктинский монах, показывавший мне остатки романской скульптуры в древнем и знаменитом монастыре в Панонхалме («холм Паннонии»), говорил мне о значении масок (головок) в романских порталах: гротескные — это дьявол, стремящийся не пустить людей в храм.

Гротескная маска дьявола в романском портале помещена на верху арки, но несколько сбоку, как бы сдвинута влево: дьявол не может занимать по своей природе центрального положения.

Над капителью портала слева — голова ангела,

пристально наблюдающего за всеми теми, кто входит в храм.

Над капителью справа от входящего — голова ангела, наблюдающего за теми, кто выходит из храма раньше конца службы.

Головы ангелов не гротескные.

Один улыбается, другой плачет.

Далее.

Дьявол стремится подняться по стенам храма, по колоннам вверх и осквернить крест на его главе.

Перевязи по середине романских колонн (иногда по форме они сложные) предназначены для того, чтобы нечистая сила, поднимаясь, запуталась и упала вниз.

Этой же цели служат и перевязочки в орнаменте.

Монастырь не закрывался с XI века: это объяснение — устная традиция.

Сравните с оберегом в орнаменте храма в Юрьеве Польском. Черт поднимается снизу по колонкам с желобком (как бы дорога для глупой нечистой силы).

Желобок улавливает его и направляет сперва кверху, перевязь задерживает, но если не задержала, колонка с желобком направляется вниз и вдруг обрывается несносным для нечистой силы трилистником (символ божественной Троицы) или двулистником (символ двуединой богочеловеческой природы Христа).

И тут нечистая сила обрывается и падает.

Даже поднявшись по хвосту льва, черт встречает ту же ловушку.

Бедному черту не проникнуть в церковь и не подняться до креста.

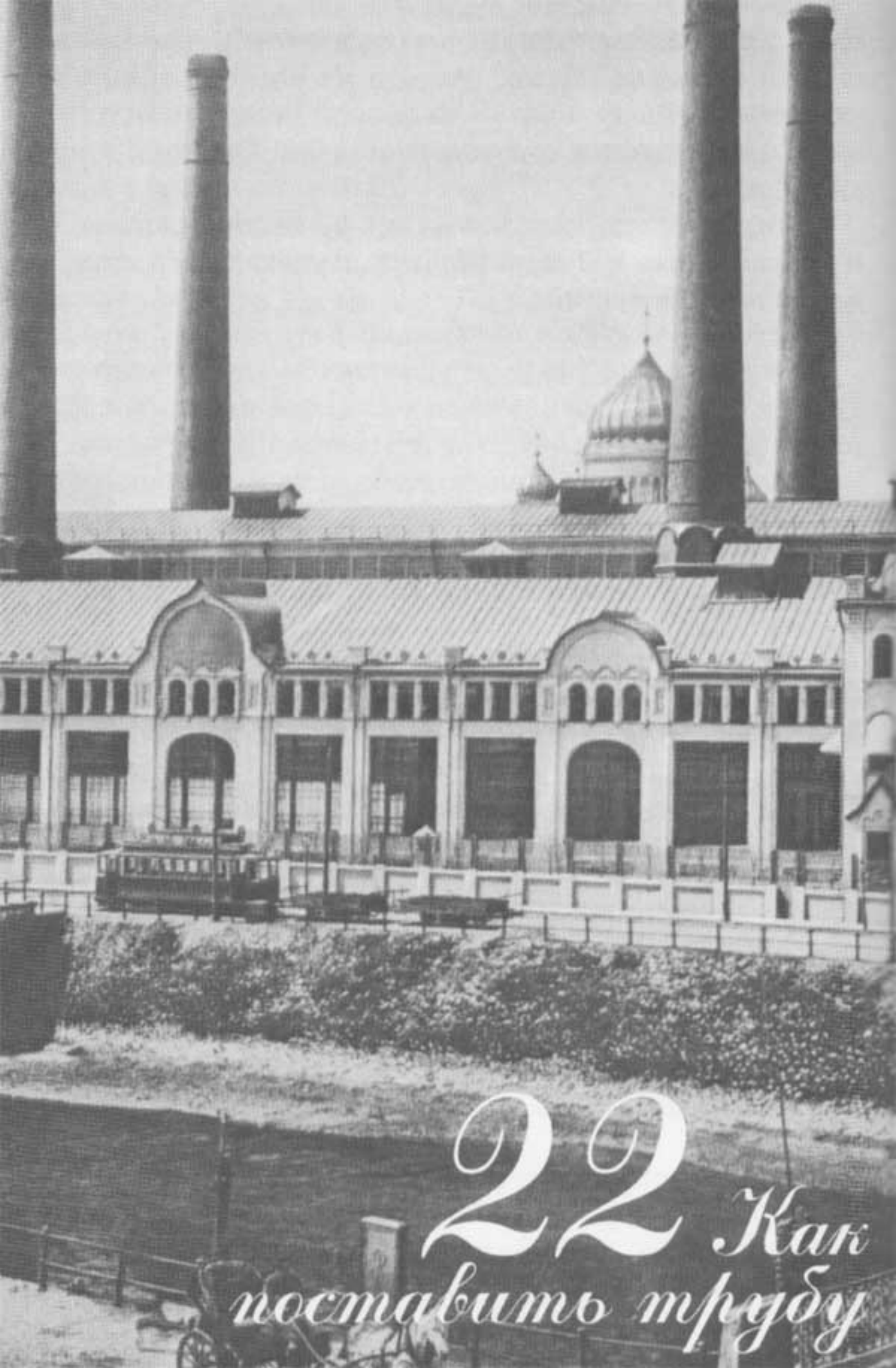
Перекладина креста величайшей святыни Венгрии — короны святого Стефана (делалась в Визан-

тии, даровалась папой) не совсем горизонтальна, слегка скошена. Ясно, что это не ошибка и не знак чего-то дурного.

Но она должна иметь свое важное и бесспорное значение.

Я видел эту корону не только на изображениях, но и в Будапеште в Национальном музее, где она выставлена для обозрения.

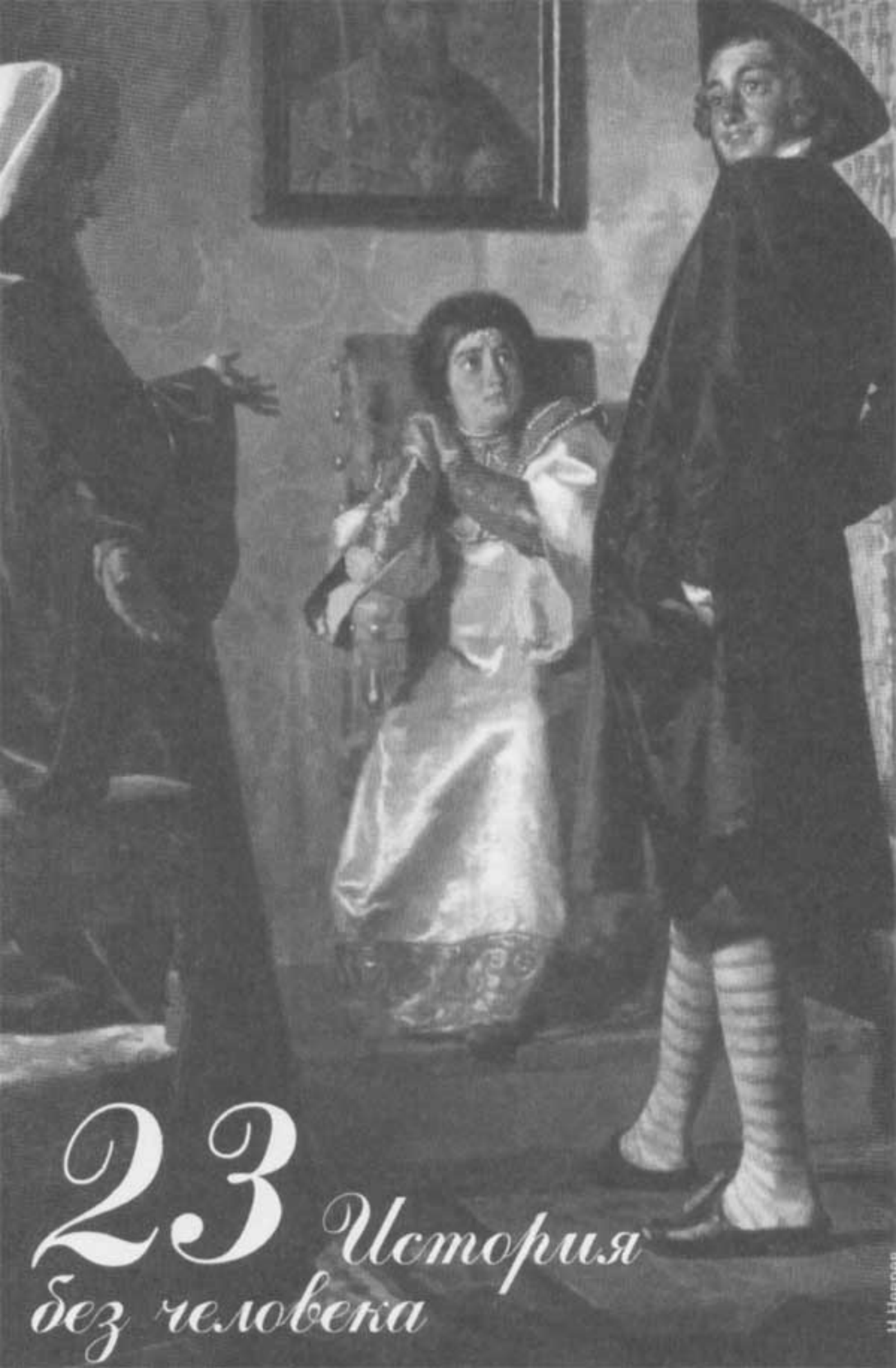
22 Как
поставить труд

Отец (инженер) мне рассказывал. Когда строили в старое время кирпичную фабричную трубу, смотрели, самое главное, за тем, чтобы она была правильно, то есть абсолютно вертикально поставлена. И одним из признаков был следующий: труба должна была чуть-чуть колебаться на ветру.

Это означало, что труба поставлена вертикально. Если труба была наклонена хоть немножко — она не колебалась, была совершенно неподвижна, и тогда надо было разбирать ее до основания и начинать все сначала.

Любая организация, чтобы быть прочной, должна быть эластичной, «чуть-чуть колебаться на ветру».

23 История
без человека

Человек, его личность — в центре изучения гуманитарных наук. Именно поэтому они и гуманитарные. Однако одна из главных гуманитарных наук — историческая наука — отошла от непосредственного изучения человека. История человека оказалась без человека...

Опасаясь преувеличения роли личности в истории, мы сделали наши исторические работы не только безличностными, но и безличными, а в результате малоинтересными. Читательский интерес к истории растет необычайно, растет и историческая литература, но встречи читателей с историками в целом не получается, ибо читателей, естественно, интересуется в первую очередь человек и его история.

В результате огромная нужда в появлении нового направления в исторической науке — истории человеческой личности.

И, в самом деле, если личность человека не играла в истории той большой роли, которая отводилась ей историками XIX века, то сама история играла огромную роль в становлении личности. Командуя историей или сам командуемый ею, человек все же находится в центре наших гуманитарных знаний и художественного творчества всех областей искусства.

Вторая половина XVIII века — эпоха, по-своему поворотная в судьбах человеческой личности. Если челове-

ческая личность в Древней Руси развивалась хотя и медленно, но все же гармонично, и вырабатывала свои яркие индивидуальности, то эпоха Петра в каком-то отношении подавила человеческую личность.

Гигантская фигура Петра I не сама подавила собой людей его эпохи. Он не был тираном типа Ивана Грозного. Петр пытался контролировать свой деспотизм, вводя его в известные правила и придавая всему государственному быту России какие-то стабильные формы.

Однако стабильные формы эти не всегда были удачны. Созданная Петром «табель о рангах», разделившая всех государственных людей его времени на четырнадцать классов, налегла на человеческую личность как гигантская чугунная плита и особенно придавила людей после смерти Петра — единственного, кто мог с ней справиться и мог ее в нужных случаях обходить.

Только во второй половине XVIII века личность человека начинает постепенно обретать силы, находить в себе чувство собственного достоинства и получать в жизни иные цели, кроме рептильного продвижения по служебной лестнице о четырнадцати ступенях...

Обнаружить характерные черты человека этого времени не так-то просто. Неотмененная табель о рангах продолжает скрывать от нас, как тяжелая неуклюжая ширма, естественные движения человеческой души. Дворянство этой эпохи во многих случаях еще стеснялось быть людьми без званий и отличий, старательно обеспечивая себе ступеньку на лестнице табели о рангах, скрываясь за орденами и муаровыми лентами на заказываемых портретах.

Личность, личностное начало существовали в русской культуре всегда.

Разве не личности — митрополит Иларион, князь Владимир Мономах, Даниил Заточник, Афанасий Никитин, Максим Грек, Иван Грозный, а потом — бес-

численное количество деятелей эпохи Смуты и последующего времени, а затем — протопоп Аввакум, царь Петр, Ломоносов, Державин, Новиков и т. д., и т. д.

Но только Пушкин осознал свою свободу от двора, свое истинное значение как человека, как поэта. Памятник ему в его представлении вознесся выше Александровского столпа, т. е. памятника Александру I. От двора он не принимал, в отличие даже от Державина, золотых табакерок. Именно поэтому для него было так оскорбительно получить звание камер-юнкера — получить свою ступень при императорском дворе.

24 О первобытны
людях

Первобытных людей безосновательно считают грубыми, жестокими, грязными. Если потому только, что они были ближе, чем мы, к животному миру, то ведь животные чистоплотны, обладают исключительным пониманием друг друга, приверженностью к своим обычкновениям, и т. д.

Я думаю, что у первобытных людей был великий фольклор, прекрасная травная медицина, умение делать хирургические операции, богатые обычаи и свои празднества, а между собой они умели держать слово, были нежны к детям и щедры.

Леви-Брюль говорил, что «первобытные люди очень часто дают доказательства своей поразительной ловкости и искусности в организации своих охотничьих и рыболовных предприятий».

Сказано тяжело, но верно.

25 *О памятниках*

*М*ногие понятия и представления в процессе их жизни в языке и сознании расширяются («расширяющаяся вселенная»). Понятие «памятник» первоначально было довольно узким («монумент»); затем оно охватило памятные дома, дворцы, церкви (по заслугам архитекторов; по знаменитостям, которые в нем жили, работали; по «возрасту»). Теперь памятником культуры может быть назван пейзаж (в Плесе на Волге, связанный с Левитаном), целый район города, улица, город и множество созданий, обязанных своим существованием культурной деятельности человека (коллекция как единое целое, отразившая личность собирателя и т. п.).

Памятником фольклора первоначально считалось отдельное произведение в узком смысле: свадебная песня, обрядовая песня, сказка и т. д. Они остаются памятниками фольклора и сейчас, но к ним прибавились: свадьба как целое, обрядовые действия вообще (включая танцы, наряды, все обычаи этого действия и т. д.). Памятники фольклора и собрание песен Киреевского, Рыбникова, Гильфердинга.

Особое значение в литературе сейчас начинает придаваться сборникам стихотворений, литературным альманахам, даже литературно-общественным журналам.

Не буду продолжать. Стремление к расширению объектов изучения замечается во всем.

Памятники культуры бывают самые неожиданные. Например — дырка от выпавшего кирпича. В Софийском соборе в Вологде такая дырка была и очень береглась. А дело было так. Как известно, Иван Грозный любил Вологду и хотел сделать ее новой столицей своего государства, говорит предание. В один из приездов в Вологду из ноги ангела на своде выпал камень и раздробил палец ноги Ивана Грозного. Грозный принял это за дурную примету и больше в Вологду не приезжал. Как же было не радоваться вологжанам и столетиями не беречь то место, откуда выпавший камень спас Вологду?

Традиция сохранять памятники — такая же, как сохранять обычаи. А дырка в фресках могла бы сохранить самые фрески от последующих записей.

Каждый наш исторический город обладает своим индивидуальным лицом, красив по-своему. Но красоте нужно разгадывать. Она не дается прямо в руки.

Наши предки, меньше, чем мы, занятые техникой, больше уделяли внимания красоте, понимали ее с «полуслова» и сохраняли столетиями.

Два города в Древней Руси стали центрами ее культуры — Киев и Новгород. Новгород, оказавшийся в XIX веке в стороне от железной дороги, больше сохранился. Отчетливо сохранились и следы его красоты. Это единственный город в Европе, в котором до сих пор существует земляной вал, по которому когда-то шли деревянные укрепления с каменными башнями. И какой вид открывается с этого вала! На некотором расстоянии от Новгорода шло кольцо церквей, частично сохранившееся до сих пор. Позади Красного (т. е. «красивого») поля было видно шествие белых строений: Рюриково городище, Нередица, Кириллов монастырь, Андрей на Ситке, Ковалева, Болотова, Хутынь. Именно «шествие», обращенное алтарями на

восток, — они как бы двигались навстречу солнцу. В самом городе выделялся златоглавый Софийский собор, выше которого не строилась ни одна церковь.

Выше строились церкви только за пределами города — Георгиевский собор Юрьева монастыря, Антониев монастырь и Хутынъ на горушке. Планировка также была продумана, и согласно «закону градскому» нельзя было загораживать вид на озеро и на Волхов. Согласно былине о Садко в древнейшей ее версии Кирши Данилова, Садко выходит из Кремля и кланяется Ильмень-озеру, передавая ему привет от Волги.

Можно было бы долго рассказывать о том, как продуманно с художественной точки зрения строились древнерусские города. До сих пор следы этой продуманности видны в Новгороде-Северском, в Путивле, в Ярославле, во Владимире. В отличие от Новгорода они строились на высоком берегу реки, и прямо из центра города открывался вид на заливные луга. Это была ландшафтная связь с природой. А как строились монастыри или небольшие городки типа Плёса на Волге!

26 *Самое малое*

Будущие поколения пожалеют, что мы в наше время не успели составить атлас микротопонимики. Мелкие топонимические названия (не только деревень или хуторов, но бухт, болот, возвышенностей, полянок, валунов, даже участков парков) чрезвычайно важны.

Они исчезают с усилением передвижений жителей прямо на ушах (нельзя сказать «на глазах»).

27 *Паламт*

Талант — это единственное в человеке, что всегда работает на своем уровне. Можно быть прилежнее или ленивее, аккуратнее или неряшливее, работать больше или меньше, но нельзя преподавать, исследовать, писать более талантливо, чем ты способен, да нельзя и на менее низком уровне.

Можно вообще не работать, но это другой вопрос.

Вот почему так важно замечание В. И. Вернадского в его «Страницах автобиографии»: «Таланты редки, и их надо беречь и охранять».

ВСТРЕЧА С
СТАРИНАМИ

Музей истории культуры
и искусства
в г. Киреевске
представляет вниманию
гостей выставку
«Встреча с старинами»
в рамках которой
представлены
предметы быта
и искусства
разных эпох
и культур.

28 Киреевск

бщество не выносит культурного вакуума. Существует потребность в культуре. Происходит втягивание культуры, а не вталкивание ее. Культура естественна для человека: в ней потребность.

Репутация «великого» или даже просто «талантливоего» очень помогает в эстетическом восприятии произведений творца. Самое скромное преподавание литературы в школе важно уже одним этим. Оно создает у людей знание «репутаций», а потому и «ожидание» у читателя, которое затем в той или иной степени реализуется в чтении, облегчает чтение...

Преподавание истории, литературы, искусств, пения призвано расширять у людей возможности восприятия мира культуры, делать их счастливыми на всю жизнь.

Я неоднократно говорю в своих выступлениях, что человеческий мозг обладает колоссальными резервами для развития своих способностей, приобретения знаний и т. д. Иными словами, возможности человечества для развития культуры неограниченны. Если эти возможности не используются по «назначению», то возможности направляются по ложному пути: отсюда всякие терроризмы, развраты, наркомании и пр.

Сегодня я встретил на прогулке Н. Ч. и она мне сказала по этому поводу следующую важную мысль. Мы не

замечаем работу органов нашего тела, когда они работают правильно (сердце, легкие и пр.), и это для того, чтобы мозг мог работать свободно. Автоматизм — для выполнения низших функций. Мы «замечаем» только большую работу мозга.

Автоматизм присущ всему, кроме мысли, кроме творчества.

Перехожу на «свои» мысли. Если это так, то, казалось бы, оправдывается всякий выход за пределы традиционности (традиционность — род автоматизма в развитии культуры), следовательно, тем самым оправдывается и всякого рода авангардизм. Нет, это не так: известная доля автоматизма должна быть в работе мысли и мозга. Так же точно доля традиционности необходима и в культурной деятельности. В чем состоит эта «необходимая традиционность» — это другой вопрос. Но от нее не были свободны и авангардисты всех веков (неправильно думать, что это явление только XX века).

Мы часто восхищаются разнообразием и богатством мира природы, но очень редко, (вернее — никогда) восхищаемся богатством и разнообразием мира культуры, который нас окружает. Точно человек не ценит то, что создал сам. В мире культуры мы чаще отвергаем, чем признаем, отказываемся знать, вместо того чтобы изучать и признавать.

Культура в конечном счете — цель, а не средство, не условие, не благоприятствующая среда.

Природа миллиарды лет совершенствовалась сама себя и наконец создала человека. Человек создан с огромными, до конца не использованными творческими возможностями. Для чего все это? Для того, очевидно, чтобы человек не прекратил собой это развитие, не замкнул на себе то, к чему природа стремилась миллиарды лет, а продол-

жил это развитие. Конечно, продолжение — это не создание еще более совершенного организма, а использование тех возможностей, которые уже есть в человеке, для создания произведений высочайшей культуры.

Однако культура — такая цель, которая сама является и средством к достижению своих вершин. Если та или иная наука, та или иная отрасль техники будет замкнута на самой себе, произойдет замедление их развития, наступит творческое обеднение, истощение творческих возможностей, возникнут тупиковые ситуации.

Мы живем в мире все усложняющихся нравственных проблем, которые ставят перед нами усложняющиеся наука и техника. Кто ответит нам на многие вопросы, возникающие перед нашим сознанием? Именно литература, если она будет достаточно ответственна и глубока!

Наступает эпоха, когда ошибки перестают быть допустимы. Нет ничего вреднее сейчас в нашем мире невероятных возможностей, чем утверждение: «На ошибках учимся!» На чьих ошибках? Своих! Их не должно быть. От ошибок теперь может пострадать все человечество. Будем же учиться на ошибках прошлого, то есть хорошо знать историю, уметь анализировать пройденный путь и ни в коем случае об этом пути не забывать. Как охотники, которые не хотят заблудиться в лесу, мы должны постоянно оглядываться назад. Эта оглядка касается всех: архитекторов-градостроителей, писателей, мелиораторов, художников, торговых работников — кого угодно. Нет такой специальности, которой не нужна была бы история — она основа культуры.

29 Паги чего?

Основная задача современной жизни: сочетать развитие техники с гуманизмом. Цивилизация без души — ужас! Вторичное варварство, по выражению Вико.

Накопление без цели. Гигантская мобилизация средств для неизвестной цели. Сократов вопрос «чего ради» никогда не ставится. Технике должны быть даны не только тактические, но и стратегические цели. Всеобщая сытость и быстрота передвижения скоро будут достигнуты, но дальше что? — Развитие культуры! А мы сокращаем культуру, сокращаем преподавание гуманитарных наук в школе.

Только на самых низких уровнях развития культуры она может отказываться от своего и современного ради внешних заимствований из чужой культуры — другой страны или другой эпохи: переодеваться в ее одежды, обзаводиться ее бытом, подражать чисто внешним признакам чужого искусства.

30 Земля —
наш дом

Когда-то (примерно десятка два лет назад) мне пришел в голову такой образ: Земля — наш крошечный дом, летящий в безмерно большом пространстве. Потом я обнаружил, что этот образ одновременно со мной пришел самостоятельно в голову десяткам публицистов.

Он настолько очевиден, что уже рождается избитым, шаблонным, хотя от этого и не теряет в своей силе и убедительности.

Дом наш!

Но ведь Земля — дом миллиардов и миллиардов людей, живших до нас!

Это беззащитно летящий в колоссальном пространстве музей, собрание сотен тысяч музеев, тесное скопище произведений сотен тысяч гениев (ах, если бы примерно сосчитать, сколько было на земле только одних всеми признанных гениев!).

И не только произведений гениев!

Сколько обычаев, милых традиций.

Сколько всего накоплено, сохранено. Сколько возможностей.

Земля вся засыпана бриллиантами, а под ними сколько алмазов, которые еще ждут, что их огранят, сделают бриллиантами.

Это нечто невообразимое по ценности.

И самое главное: второй другой жизни во Вселенной нет!

Это можно легко доказать математически.

Нужно было сойтись миллионам почти невероятных условий, чтобы создать великую человеческую культуру.

И что там перед этой невероятной ценностью все наши национальные амбиции, ссоры, мести личные и государственные («ответные акции»)!

Земной шар буквально «набит» ценностями культуры.

Это в миллиарды раз (повторяю — в миллиарды раз) увеличенный, разросшийся во все области духа Эрмитаж.

И эта невероятная общемировая драгоценность несется с безумной скоростью в черном пространстве Вселенной.

Эрмитаж, несущийся в космическом пространстве! Страшно за него.

Прерафаэлиты составили «Список бессмертных», в него включены: Иисус Христос, автор книги Иова, Шекспир, Гомер, Данте, Чосер, Леонардо да Винчи, Гете, Китс, Шелли, Альфред Великий, Ландор, Теккерей, Вашингтон, Миссис Браунинг, Рафаэль, Патмор, Лонгфелло, автор «Stories after Nature», Теннисон, Боккаччо, Фра Анжелико, Исая, Фидий, раннеготические архитекторы, Джибертти, Спенсер, Хогарт, Костюшко, Байрон, Вордсворт, Сервантес, Жанна д'Арк, Колумб, Джорджоне, Тициан, Пуссен, Мильтон, Бэкон, Ньютон, По. Все!

Не правда ли, любопытно?

Как было бы хорошо (интересно), если бы такие списки бессмертных составлялись почаще: в разных странах и в разные эпохи.

Для русских того же времени он был бы совсем иной, а в наше время особенно.

Но кто-то бы оставался в этих перечнях неизменным: Шекспир и Данте, например.

А кто-то бы у всех добавлялся: Л.Толстой и Достоевский, например, сравнительно с приведенным списком прерафаэлитов.

31 *Познание иных*

Человеческое познание позволяет проникать в чужое сознание, не становясь этим чужим. Мы можем понимать то, что нам не свойственно, что отсутствует у нас самих или даже противоположно нам.

Это свойство человеческого познания казалось всегда особенно удивительным в произведениях искусства. Примитивное объяснение способности творца понять явления, которые он изображает, заключается в том, что изображаемое составляет частицу души самого творца, свойственно творцу и представляет собой результат самопознания. Так создаются легенды о том, что художник, проникновенно изобразивший преступление, сам преступник, а объективное воспроизведение какой-либо идеи принимается за убежденность в этой идее.

Однако в потенции познающего лежит познание всего окружающего его мира, каким бы сложным и посторонним для познающего этот мир не был. При этом чем глубже и шире развита личность познающего (творца-художника), тем большими способностями проникновения в личности других людей он обладает.

Наше понимание других культур зависит от объема накапливаемых знаний об этих культурах. Культура движется вперед путем познавательных открытий и путем освоения этих открытий, их осмысления в современности и для современности. Но открытия эти и их

освоение не требуют перевоплощений, как их не требует и творчество отдельного художника.

Познание чужой культуры или культуры прошлого имеет своим глубоким результатом не внешние заимствования (хотя отдельные частные заимствования и могут оказаться полезными), а общий подъем уровня собственной культуры, развитие её познавательных способностей, «познавательной гибкости», увеличение диапазона возможностей, диапазона творческого выбора.

Составитель известного словаря английского языка доктор Самюэль Джонсон утверждал: «Знание бывает двух видов. Мы либо знаем предмет сами, либо знаем, где можно найти о нем сведения». Это изречение имело в английском высшем образовании огромную роль, ибо было признано, что в жизни самое необходимое знание (при наличии хороших библиотек) — второе. Поэтому экзаменационные испытания в Англии проводятся часто в библиотеках с открытым доступом к книгам. Проверяется в письменном виде: 1) насколько хорошо учащийся умеет пользоваться литературой, справочниками, словарями; 2) насколько логично он рассуждает, доказывая свою мысль; 3) насколько хорошо он умеет излагать мысль письменно.

Все англичане умеют хорошо писать письма.

Блаженный Августин: «Я знаю, что это такое, только до той поры, пока меня не спросят — что же это такое!»

Ученый не обязательно должен всегда отвечать на вопросы, но он безусловно должен их *правильно* ставить. Иногда заслуга правильной постановки вопросов может оказаться даже более важной, чем нечеткий ответ.

Человек не обладает истиной, но неутомимо ее ищет.

Яркое научное воображение позволяет ученому в первую очередь не столько предлагать решения, сколько выдвигать все новые и новые проблемы.

Наука растет не только накоплениями утверждений, но и накоплением их опровержений.

Как мало из свершившегося было записано, как мало из записанного сохранено» (Гёте). Но есть еще одна ступень в отношении к прошлому: непонимание его, искажение, создание своего рода мифов, совершенно не соответствующих тому, что было. Даже исторические личности и исторические события полувекковой давности превращены в своеобразные «мифологемы». И что интересно — об одном и том же событии или человеке существуют совершенно различные представления, каждое из которых складывается в цельный образ. Пример — образы Сталина (их больше, чем два).

32 *О тфадициях*

Герцог Веллингтон заявил: «Сражение при Ватерлоо было выиграно на спортивных площадках Итона». Это приблизительно то, что было сказано не то Бисмарком, не то Мольтке: «Война с Австрией была выиграна немецким школьным учителем».

Действительно, образование и физическое воспитание в Итоне поставлено идеально, а бережное и горделивое отношение к истории Итона, основанного в 1440 году королем Генрихом VI, воспитывает английский патриотизм.

Человека создает средняя школа, высшая — дает специальность.

Двадцать премьер-министров Англии окончили Итон колледж; среди них Вильям Питт, Вильям Гладстон, Герольд Макмиллан.

А кроме того, в Итоне учились Фильдинг, Хаксли и многие другие.

Старые классные комнаты Итона испещрены надписями, расписками, вырезанными на партах именами, среди которых есть и имена многих знаменитых в будущем мальчиков.

Мне показывали многие из них.

Помимо старых классных комнат есть и новые.

Ученики Итона делятся на тех, с кого берут высокую плату, и на «талантливых», обучающихся за зна-

ния и способности. «Талантливые» имеют преимущества перед богатыми. Они учатся в старых классах за неудобными старыми партами — узкими и сплошь изрезанными ножичками. Чтобы писать на них, надо положить на них сперва дощечку или папку.

Впрочем, ученики уже не носят цилиндров, но сохраняют свои смешные на мальчиках фраки, которые насмешливо называют «penguin suits» («костюм пингвина»), но которыми ученики гордятся.

Никто, даже величайший озорник школы, не пройдет мимо статуи Генриха VI, стоящей во дворе, справа; только слева, ибо когда-то полагалось салютовать ей шпагой. Шпаги давно отменены. А обычай проходить слева сохраняется: только как память, ибо с отменой шпаг при форме он стал бессмыслен.

Англичане могут жить в неудобном, но старинном доме и вполне испытывать там «the charms of discomfort» — «очарование дискомфорта», ибо ценят старину, традиции, «дух времени» и т. д.

Но для этого необходимо иметь высокую интеллигентность и привязанность к старине.

Если бы в русском народе эта привязанность к старине существовала в середине XX века — мы бы не потеряли столько, сколько заставили нас потерять архитекторы и градостроители, полностью, к несчастью для нашей страны, лишённые чувства истории.

Вл. Соловьев сказал, перефразируя Евангелие: «Люби все другие народы как свой собственный». Для развития культуры чрезвычайно важно сочувственное вживание в культуру других народов.

Поразительно преклонение у нас перед иностранцами. Казалось — разденься голым, укрась себя перьями

или надень пеструю скатерть и начни лопотать бессмыслицу, и перед тобой откроются двери любой гостиницы, музея, бара. Тебя встретят с почетом и поклонами.

В Англии на аэродроме (это было давно) паспортный контроль первыми проходили пассажиры с британскими паспортами, вторыми — с любыми другими. Иностранцы — люди второго сорта.

Хорошо ли это? Думаю, отношение к иностранцам должно быть равным: те и другие люди. «Очередности» не должно быть. Преимущество должно быть за женщинами, детьми и стариками, независимо от национального паспорта.

33 *Бездельничество*

Бездельничество вовсе не состоит в том, что человек сидит без дела, «сложив руки» в буквальном смысле. Нет, бездельник вечно занят: пустословит по телефону (иногда часами), ходит в гости, сидит у телевизора и смотрит все подряд, долго спит, придумывает себе разные дела. Вообще бездельник всегда очень занят...

34 *Доброта*

Добро не может быть глупо. Добрый поступок никогда не глуп, ибо он бескорыстен и не преследует цели выгоды и «умного результата». Назвать добрый поступок «глупым» можно только тогда, когда он явно не мог достигнуть цели или был «лжедобрым», ошибочно добрым, то есть не добрым. Повторяю, истинно добрый поступок не может быть глуп, он *вне оценок* с точки зрения ума или не ума. Тем добро и хорошо.

«Неделя открытых добрых дел». Это тема для размышлений и для небольшого эссе. Действие происходит в неизвестное время. Может быть, в двухтысячный год. Слово «добрый» презирается, и говорят «добренький», когда хотят оскорбить. Должна существовать только «непримиримость». И вдруг указ: можно и даже нужно делать добрые дела — индивидуально делать! Рекомендуются даже заниматься благотворительностью. Можно подавать и просить милостыню. Можно и даже рекомендовано давать и получать в долг. Можно приходить в больницы помогать больным, мыть полы. Можно, можно, можно... И вот люди открывают для себя счастье доброты. Для многих растворяется, как туман, стяжательство, страсть к наживе, к коллекционированию пустяков. Люди улыбаются друг другу, совершив доброе дело. Кто-то переводит

через улицу пожилого человека. Не «кто-то», а все уступают в метро места пожилым.

Счастливые лица. Продавщицы с удовольствием продают, с удовольствием тщательно завертывают покупки.

И уже просят продлить неделю открытых добрых дел. Пишут об этом письма наверх.

Революцию добра рьяно подхватывают дети! Они больше всех и первыми заражаются добром. Добро становится для них любимой игрой. Учатся делать добро у деревенских старушек. Ищут нищих, больных, стариков, сирот, которым нужно помочь, находят несчастных. Организуют группы «следопыты добра».

Происходит примирение с миром. Вот зачем есть несчастные: чтобы дать счастье другим. Несчастные становятся счастливыми заботами других, ибо несчастный в одном может быть счастлив в другом.

Что человеку важно? Как прожить жизнь? Прежде всего — не совершить никаких поступков, которые бы роняли его достоинство. Можно не очень много сделать в жизни, но если ты не делаешь ничего, даже мелкого, против своей совести, то уже этим самым ты приносишь колоссальную пользу. Даже в обыденной нашей, повседневной жизни. А ведь в жизни могут быть и тяжелые ситуации, когда перед человеком стоит проблема выбора — быть обещанным в глазах окружающих или в своих собственных. Уверен, что лучше быть обещанным перед другими, нежели перед своей совестью. Человек должен уметь жертвовать собой. Конечно, такая жертва — это героический поступок. Но на него нужно идти.

Когда я говорю о том, что человек не должен идти против своей совести, не должен совершать с ней сделку, — я вовсе не имею в виду, что человек не может

или не должен ошибаться, оступаться. Никто не свободен от ошибок в нашей сложной жизни. Однако человека, который оступился, подстерегает серьезнейшая опасность: он нередко приходит в отчаяние. Ему начинает казаться, что все кругом подлецы, что все лгут и скверно поступают. Наступает разочарование, а разочарование, потеря веры в людей, в порядочность—это самое страшное. Как-то один мой сослуживец сказал, что он не верит ни одному человеку, что все люди прохвосты. Оказалось, что когда-то, когда он очень нуждался, у него из письменного стола украли зарплату. Я понял, что и мне ему верить нельзя: человек, убежденный только в силе зла, может и сам украсть деньги из чужого стола.

Да, говорят: «Береги честь смолоду». Но если даже не удалось сберечь честь смолоду, ее нужно и можно вернуть себе в зрелом возрасте, переломить себя, найти в себе смелость и мужество признать ошибки.

35 *Любовь*

Константин Василь

Самое восхитительное свойство человека — любовь. В этом связанность людей выражается наиболее полно. А связанность людей (семьи, деревни, страны, всего земного шара) — это основа, на которой стоит человечество.

Много для этой связанности затасканных слов и выражений. Все сейчас чувствуют необходимость этой связанности. Надо для этой связанности либо находить новые слова и выражения, либо часто употребляемые употреблять не в затасканном контексте, ощущать их значительность. Не буду перечислять эти выражения, которые мы постоянно слышим и сами употребляем.

36 Надежные люди

Самое дурное (не «самое» но одно из самых) свойство человека — не заботиться о жене, не вспоминать родителей, не заботиться о детях (по-настоящему), не посещать могилы близких, оставлять беспомощных стариков, требовать только для себя.

Все это с какого-то момента начинает овладевать человеком гуртом, вместе, в совокупности. И поэтому по одному из этих признаков можно определить наличие и всех остальных.

Это люди во всех отношениях ненадежные.

37 *Зависть*

Если тяжелоатлет ставит новый мировой рекорд в поднятии тяжестей, я ему завидую? А если гимнастика? А если в прыжках с вышки в воду? Начните перечислять все, что вы знаете и чему можно позавидовать: вы заметите, что чем ближе к вашей работе, специальности, жизни, тем сильнее близость зависти. Это как в игре — холодно, тепло, еще теплее, горячо, обжегся! На последнем вы нашли с завязанными глазами запрятанную другими игроками вещь.

Вот то же и с завистью. Чем ближе достижение другого к вашей специальности, к вашим интересам, тем больше возрастает обжигающая опасность зависти. Ужасное чувство, от которого страдает прежде всего тот, кто завидует.

Теперь вы поймете, как избавиться от крайне болезненного чувства зависти: развивайте в себе свои собственные индивидуальные склонности, свою собственную неповторимость в окружающем человечестве, будьте самим собой — и вы никогда не будете завидовать. Зависть развивается прежде всего там, где вы сам себе чужой, где вы не отличаете себя от других.

Слышал хороший анекдот: «Чем отличается академик от обычного ученого?» — «Ничем, — только он этого не знает».

38 *Карьеризм*

Человек с самого первого дня своего рождения развивается. Он устремлен в будущее. Он учится, научается ставить себе новые задачи, даже не понимая этого. И как быстро он овладевает своим положением в жизни. Уже и ложку умеет держать, и первые слова произносить.

Потом он учится отроком и юношей.

И уже приходит время применять свои знания, Достичь того, к чему стремился. Зрелость. Надо жить настоящим...

Но разгон сохраняется, и вот вместо учения наступает для многих время овладения положением в жизни. Движение идет по инерции. Человек все время устремлен к будущему, а будущее уже не в реальных знаниях, не в овладении мастерством, а в устройстве себя в выгодном положении. Содержание, подлинное содержание утрачено.

Настоящее время не наступает, все еще остается пустая устремленность в будущее. Это и есть карьеризм. Внутреннее беспокойство, делающее человека несчастным лично и нестерпимым для окружающих.

39 *Месть*
и совесть

Нравственные понятия, которых нам очень не хватает в оценках людей: порядочность и честь. Очень редко, хваля человека, говорят: «Он порядочный человек». И еще реже: «он поступил как подсказывала ему честь».

А между тем подумайте, сколько применений обоим понятиям: порядочность в семейной жизни, порядочность критика, порядочность журналиста, порядочность в любви. Честь врача, честь рабочего, честь инженера, честь школы, честь завода, честь гражданина, честь мужа или жены. Слово, данное человеком — кем бы он ни был, должно быть сдержано, иначе запятнана его честь. Как правильно быть «невольником чести» — это высшая свобода и независимость!

Если бы Пушкин не вызвал на дуэль, не защитил честь своей жены (хотя от современных нам «сплетников» это ему и не удалось), он никогда бы не защитил и честь своей поэзии. Поэт не может быть с запятнанной честью, ибо личность поэта — часть его поэзии.

И еще одно забытое нравственное понятие — «учтливость» в поведении.

Сохранять независимость естественнее и проще всего, соблюдая учтивость. Учтивым следует быть не только к дамам и с дамами, а со всеми и всегда.

Честь. В сфере морали это понятие чрезвычайно важно, но честь — это двуликий Янус. С одной стороны, есть честь внешняя. Человек защищает свою честь. Он не терпит оскорблений или того, что ему представляется оскорблением. Он это делает главным образом, для окружающих. Такова в значительной своей доле была честь дворянина, честь офицера. И именно эта честь пошла ко дну с революцией и потянула за собой другую честь — честь первостепенной важности — внутреннюю, честь перед самим собой, независимую от внешней ее оценки, но все же имеющую громадное значение для общества, для его моральной атмосферы, для моральных взаимоотношений между людьми и общественными организациями (государственными учреждениями, торговыми предприятиями, фабриками и заводами, военными, учебными сообществами и т. д.). В чем внешне выражается эта «внутренняя» честь: человек держит слово, и как официальное лицо (служащий, государственный деятель, представитель учреждения), и как просто человек; человек ведет себя порядочно, не нарушает этических норм, соблюдает достоинство — не пресмыкается перед начальством, перед любым «благо дающим», не подлаживается к чужому мнению из выгоды, не упрямится, чтобы доказать свою правоту, не сводит личные счеты, не «расплачивается» с «нужными людьми» за счет государства (различными поблажками, «устройствами» и т. д.), вообще умеет отличать личное от государственного, субъективное от объективного в оценке окружающих.

Честь — это достоинство прежде всего, достоинство положительно живущего человека. Это достоинство в свою очередь бывает внешнее и внутреннее. Внешнее достоинство — это важность, напыщенность, солидность. Внутреннее — это достоинство по существу, когда человек не опускается до мелочности в поведении, в разговорах и даже в мыслях. При развитом чувстве чести и до-

стоинства в обществе не может быть протекционизма, семейственности, обманов людей и учреждений, того, что называется «приписками» и искусственными занижениями планов или погоней во что бы то ни стало за премиями, благодарностями, повышениями по службе.

Честь обязывает человека думать о чести того общественного института, который он представляет. Есть честь рабочего, честь инженера, честь врача, но и честь учащегося определенной школы, честь полка, честь завода, честь учреждения.

Честь рабочего: работать без брака, стремиться создавать хорошие вещи. Как в старое время: честь наборщика, честь литейщика (не останавливать мартеновскую печь даже при забастовках).

Честь администратора: держать слово, выполнять обещанное, прислушиваться к мнению людей, не бояться изменить свое мнение, если факты этого требуют, не придерживаться «лобной психики» и не гордиться тем, что «мнения своего никогда не меняю». Уметь вовремя признать свою ошибку и исправлять допущенную оплошность.

Честь гражданина: не мстить из личных побуждений, не оказывать услуг за счет государства, избегать протекционизма, если он не «деловой», а личный, поддерживать способных людей только по деловым соображениям, не писать и не читать анонимок.

Честь ученого: не создавать не подтвержденных полностью фактами теорий, не занимать должностей, для которых недостает компетентности, не быть «личным» в своих отношениях к научным выводам и работам, не присваивать себе чужих идей, всегда точно и полно ссылаться на предшественников, не подписывать не принадлежащих тебе работ, не присоединяться к группам и группкам, не интриговать, уметь и желать различать стоящее в научном отношении от наукообразного и т. д.

Необходимо создать полный кодекс научной морали. Опубликовать его. Найти способы выявления его нарушений.

В старое время существовали купеческое слово и купеческая честь. Самые крупные сделки между купцами старинного склада совершались и так: шли в церковь и скрепляли сделку молебном. В Петербурге между Думой и Гостиным против портика Руска существовала полуподземная часовня, где купцы служили молебны.

Честь купца!

А в лондонском Сити крупные сделки заключались рукопожатием (к рукопожатиям англичане прибегают редко). И если купцы и дельцы обладали чувством чести, то почему не развивать его в нашем обществе?

И еще соображение: чувство чести должно быть у дипломатов всего мира. Как часто сейчас слово, обещание, данное дипломатами, расходится с делом! И это по всему миру. Только что прочел в газетах: сокращение вооружений в одной сфере вооружений принимается, чтобы быть компенсированным в другой. Хитрят! Хитрят, как мелкие жулики, как дельцы, которым далеко до русских купцов XIX века.

Отсутствие морали вносит хаос в социальную жизнь. Без морали в обществе уже не действуют экономические законы и невозможны никакие дипломатические соглашения.

Я не люблю определений и часто не готов к ним. Но я могу указать на некоторые различия между совестью и честью.

Между совестью и честью есть одно существенное различие. Совесть — всегда исходит из глубины души и совестью в той или иной мере очищается. Совесть «грызет». Совесть не бывает ложной. Она бывает приглушенной или слишком преувеличенной (крайне редко). Но

представления о чести бывают совершенно ложными и эти ложные представления наносят колоссальный ущерб обществу. Я имею в виду то, что называется «честью мундира». У нас исчезли такие, несвойственные нашему обществу явления, как понятие дворянской чести, но «честь мундира» остается тяжелым грузом. Точно человек умер, а остался только мундир, с которого сняты ордена. И внутри которого уже не бьется совестливое сердце. «Честь мундира» заставляет руководителя отстаивать ложные или порочные проекты, настаивать на продолжении явно неудачных строек, бороться с охраняющими памятники обществами («наша стройка важнее») и т. д. Примеров подобного отстаивания «чести мундира» можно привести много, начиная с Академии наук СССР, настаивавшей на явно неудачных и крайне расточительных проектах (например, частичного поворота стока северных рек, строительства загрязняющих Байкал сооружений и пр.).

Честь истинная — всегда в соответствии с совестью. Честь ложная — мираж в пустыне, в нравственной пустыне человеческой (вернее чиновничьей) души.

Мартынов, убивший на дуэли Лермонтова, именно поэтому завещал не писать на могиле его имени и не ставить себе никакого памятника. Какое различие с Дантесом, до конца своей долгой и благополучной жизни убежденного в том, что у него не было «другого выхода» (хотя выход был совсем простой — пожертвовать своей внешней честью ради внутренней).

40 *Ποεζγα*

Сергей Сергеевич Аверинцев рассказывал мне, как летом он снимал дачу рядом с железной дорогой. Поезда мешали ему спать. Наконец он решил: проносятся не поезда, а проезжают люди со своими заботами и мыслями. И шум поездов перестал раздражать его. Он стал спать.

Надо развивать в себе благожелательное, «понимающее» отношение к окружающему, и тогда станет легче жить.

Злые люди живут короче, чем добрые.

41 Юмор
джентельменов

Джошуа Рейнольдс.
Охотники

Не перестаю удивляться примиряющему, целительному, облагораживающему свойству человеческого ума — смеху, которым никогда не сможет обладать никакой самый совершенный компьютер, хотя бы он и исчислил, где, в какой момент и по какому случаю следует смеяться.

В апреле 1826 года должна была произойти дуэль между государственным секретарем (то есть министром иностранных дел) США Генри Клеем и сенатором Джоном Рандольфом. Не буду рассказывать о причинах дуэли, передавать те «fighting words» (оскорбительные слова, обязывающие противника к дуэли), которые были произнесены Рандольфом (кстати, оскорбление, очень жестокое и публичное, было уже не без элемента юмора; Рандольф воспользовался текстом из «Тома Джонса» Фильдинга).

Дуэль должна была состояться по очень жестоким американским правилам — с десяти шагов. При первом обмене выстрелами оба тем не менее промахнулись. «Это детская игра, — заявил Клей, — я требую вторичного выстрела». Его второй выстрел только продырявил одежду Рандольфа. Тогда в ответ Рандольф выстрелил в воздух и объявил: «Вы должны мне стоимость моей одежды!» — «Я рад, что не больше», — ответил Клей, и противники помирились. Острота Рандольфа и удачный ответ Клея спасли обоих от третьего раунда дуэли.

42 Кто умнее

В о французском военном уставе якобы записано: кто кого должен на улице приветствовать (отдавая честь) первым. Как правило, младший первым приветствует старшего.

А если встречаются двое совершенно равных по чину и по рангу полков? Тогда первым должен приветствовать другого «самый умный»...

Или еще.

Мыши на собрании обсуждали: как обуздать кота. Решили: повесить ему колокольчик. А кто повесит? Постановили: решить это в рабочем порядке.

Вообще, интересное занятие: собрать положения, при которых проясняется — кто же умнее?

43 *Аттракцион*

Существенная сторона современной жизни — туризм всех видов и соответственное развитие различных аттракционов. Аттракцион — это и развод караула перед Букингемским дворцом в Лондоне, и выход папы на балкон своего дворца для благословения народа, собравшегося на площади Святого Петра в Риме. Папа становится для части толпы как бы актером.

В еще большей мере актер американский президент. «Специализированный актер» — английская королева.

Не разберешь: кого теперь больше в Святой Земле — паломников или туристов. Скорее всего так: паломники приобрели в значительной степени свойства туристов, а истинно молящиеся стали участниками «действия» для туристов.

В ближайшее время туризм распространится и на космос. За столько-то миллионов долларов космонавты-водители будут возить желающих миллионеров или государственных деятелей полюбоваться шариком-Землей, которую они так пакостят.

Еще невероятнее. В аттракцион превращается наука. Ученые становятся постепенно в некоторых областях изобретателями интересных концепций, которые можно эффектно доложить на международных конгрессах. Ученые уже стали туристами — племенем номадов, кочующих с одного международного конгресса на другой, устанавливающих «рекорды» почетных званий и наград.

В самом деле, почему не объявить того или иного ученого абсолютным чемпионом страны или мира по количеству полученных им почетных званий и наград?

Опасность в том, что из всего уходит содержание. Люди, активные по своему отношению к миру, становятся все больше пассивными созерцателями, «болельщиками» и вот этими самыми туристами. Не идейные приверженцы того или иного религиозного мировоззрения (даже!), а «болельщики» за концепцию.

В религиях все больше увеличивается число лиц, которые не выполняют религиозных требований, треб, обрядов, а являются только пассивными сторонниками той или иной религиозной концепции.

И это явление переходит и в другие сферы. Признают мировоззрение и вполне искренне ему не следуют.

Переход от паломничества к туризму один из признаков перехода человечества к «комфортабельной» пассивности. Паломники шли пешком, молились, постились.

Туристы летят в комфортабельных самолетах и только смотрят, «глазеют» (иногда купаются, загорают, развлекаются). Разумеется, мое противопоставление паломничества туризму следует понимать только как выразительный пример. Явление более широко.

Перед нами, возможно, умирание общего интеллекта человечества.

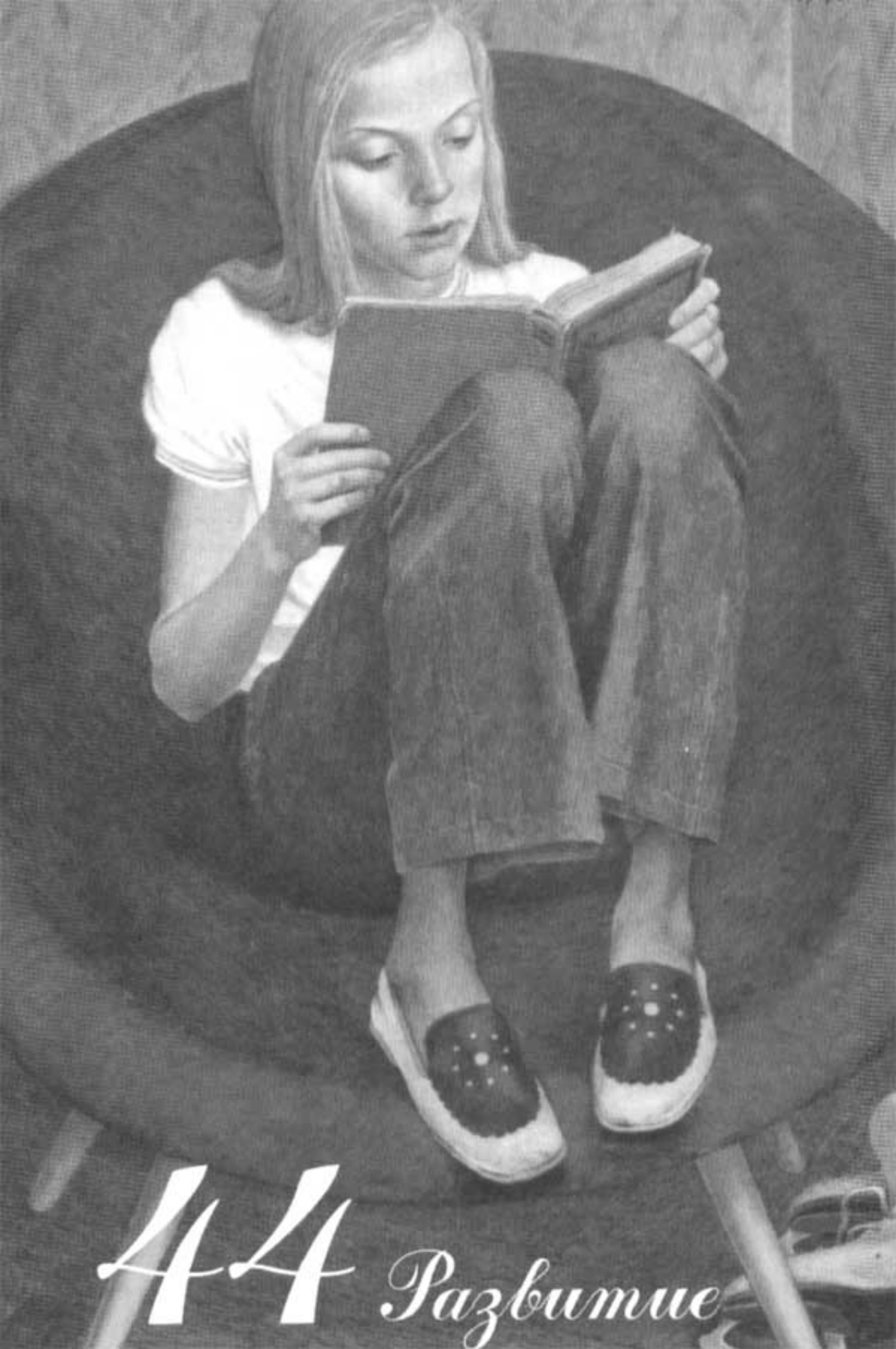
Человечество обладает, помимо отдельных гениев, творцов, еще и общим единым интеллектом, который сказывался раньше в духовных течениях, заставлявших интеллигенцию ходить в народ, проповедовать революционные учения и т. д. Теперь общий ин-

теллект человечества проявляется все больше в модах — не только на одежду, но и на те или иные течения в искусстве и в науке.

Возможно, это и не так.

Я оптимист, но оптимист должен допускать минуты пессимизма (будучи оптимистом, я «потенциальный пессимист» — в данном случае).

44 Pazbumue

Каждый человек обязан (я подчеркиваю — обязан) заботиться о своем интеллектуальном развитии. Это его обязанность перед обществом, в котором он живет, и перед самим собой.

Основной (но, разумеется, не единственный) способ интеллектуального развития — чтение.

Чтение не должно быть случайным. Это огромный расход времени, а время — величайшая ценность, которую нельзя тратить на пустяки. Читать следует по программе, разумеется, не следуя ей жестко, отходя от нее там, где появляются дополнительные для читающего интересы. Однако при всех отступлениях от первоначальной программы необходимо составлять для себя новую, учитывающую появившиеся новые интересы. Чтение, для того чтобы быть эффективным, должно интересовать читающего. Интерес к чтению вообще или по определенным отраслям культуры необходимо развивать в себе. Интерес может быть в значительной мере результатом самовоспитания. Составлять для себя программы чтения нелегко, и это нужно делать советуясь со знающими людьми, с существующими справочными пособиями разного типа. Опасность чтения — это развитие (сознательное или бессознательное) в себе склонности к «диагональному» просмотру текстов или к различного вида скоростным методам чтения.

«Скоростное чтение» создает видимость знаний.

45 Непопулярное понятно

Из книги «Описание примечательных кораблекрушений, в разные времена претерпеваемых российскими мореплавателями Флота, Капитан-Командором Головиным». Часть четвертая. СПб., 1853, с. 93: «Представляя верное описание сего происшествия, не хочу ни увеличивать ужасов, ни уменьшать их. Пусть каждый, носящий в сердце искру чувствительности, пожалует о несчастных, и иногда в молитвах своих попросит Бога, чтобы сохранил нас, бедных мореплавателей, от подобных случаев, грозящих нам в море ежечасно.

Из сего описания видно, что крушение брига «Фальк» последовало от течи, а течь произошла от якоря, на кранбал отданного, и пробившего лапою на волнении обшивные доски. С трудом можно поверить, чтобы при нынешнем состоянии мореплавания сыскался еще морской офицер, который не знал бы, что на ходу или при волнении непременно якорь должен отдавать с рустова и кранбал «вдруг»: опытные мореплаватели во всяком случае так поступают. Человек, вовсе незнакомый с морской службою, взглянув на якорь, отданный на кранбал во время волнения или при большом ходе, подумал бы, что это острое орудие свешено нарочно для пробития корабельного дна».

Как хорошо написано! А если что непонятно, то и это хорошо: ищите в словарях; прекрасное занятие.

46 Высший разум

Сколько зерен, рассыпанных на столе, может человек охватить взором сразу и не считая, не деля на группы — определить их число? Одно зерно — ясно, что одно. Два зерна — тоже не требует мысленного счета. Три — тоже. Четыре — уже возникает соблазн разбить на две группы по два зерна, чтобы лучше уяснить число. Но еще не считает. Пять — труднее, и счет в уме возможен. То же шесть. А семь и последующее число зерен, пожалуй, требует уже счета. Познание превращается в процесс. Во всяком случае, вы не можете сказать сразу, «не думая», — сколько лежит на столе.

И вот, если бы меня спросили — как представить себе «Высший разум», я бы сказал — это то, что способно охватить мысленным взором сразу всю Вселенную, и не только ту, что есть сейчас, но и ту, что была и будет, — во всех измерениях — и держать ее в сознании с такою же ясностью, «не считая», как мы можем осознать наличие одного, двух или трех зерен, лежащих на столешнице.

Вопрос о том, существует ли всевидящий «Высший разум» или не существует, может решаться только с осознанием невероятной сложности его существования, — сложности, показанной мною на трех зернах, лежащих на столе, но раздвинутой на всю Вселенную.

47 Исторические предубеждения

Мы очень часто находимся во власти исторических предрассудков. Одним из таких предрассудков является убежденность в том, что древняя, «допетровская» Русь была страной со сплошной малой грамотностью.

Тысячи и тысячи рукописных книг хранятся в наших библиотеках и архивах, сотни берестяных грамот найдены в Новгороде — грамот, принадлежащих ремесленникам, крестьянам, мужчинам и женщинам, простым людям и людям высокого социального положения. Печатные книги показывают высокий уровень типографского искусства. Рукописи «цветут» изумительными заставками, концовками, инициалами и миниатюрами. Печатные шрифты и рукописные буквы поразительны по красоте. Все новые и новые центры книжной культуры обнаруживаются в монастырях Древней Руси среди лесов и болот, на островах — даже вдали от городов и сел. В рукописном наследии Древней Руси мы все больше и больше открываем новых оригинальных произведений и переводных. Уже давно ясно, что болгарское и сербское рукописное наследие шире представлено в русских рукописях, чем у себя на родине. Высокое искусство слова окружено открытиями в области древнерусской музыкальной культуры. Всеобщее признание во всем мире получили древнерусские фрески и

иконы, русское прикладное искусство. Древнерусское зодчество оказалось целым огромным миром, изумительно разнообразным, будто принадлежащим разным странам и народам с различной эстетической культурой. Мы получили из рукописей представление о древнерусской медицине, о русской историософии и философии, о поразительном разнообразии литературных жанров, об искусстве иллюстрирования и искусстве чтения, о различных системах правописания и пунктуации. А мы все твердим и твердим: «Русь безграмотная, Русь лапотная и безмолвная»!

Почему так? Догадываюсь: может быть, потому, что в XIX веке носителями древнерусской культуры оставались по преимуществу крестьяне, историки судили о древней Руси главным образом по ним, по крестьянам, а их давно уже скрутило крепостное право, все большее обнищание, отсутствие времени на чтение, непосильная работа, нищета.

В любом историческом сочинении мы привыкли читать об усилении эксплуатации, классового гнета, обнищании народных масс. И ведь это правда, но почему же тогда мы не делаем и другого вывода, что культура народа в этих условиях нарастающего гнета должна была падать.

Судить по безграмотности крестьянства XIX века о его неграмотности (еще большей!) в веках XI—XVI нельзя. Нельзя думать, что письменная культура населения непрерывно возрастала. Нет, она и падала. Именно крепостное право принесло с собой ту неграмотность, как «лапотность» народа XIX века, которая даже историкам показалась исконной и типичной для Древней Руси.

Одна фраза в Стоглаве о неграмотности новгородских попов служила и продолжает служить этому убеждению в неграмотности всего населения. Но ведь Стогла-

вый собор, призванный установить единый порядок церковных правил для всей Руси, имел в виду только новгородский обычай избирать уличанских попов всей улицей, в результате чего в попы попадали лица, не имевшие точного представления о церковной службе.

Одним словом: обильнейший материал превосходных рукописных и печатных книг, хранящихся или героически собираемых нашими энтузиастами-патриотами на Севере, на Урале, в Сибири и других местах, требует от нас признания высокой письменной культуры первых семи веков русской жизни. Грамотность народа помогает нам понять высокую культуру слова в русском фольклоре, высокие эстетические достоинства народного зодчества, изделий народных ремесел, высокие моральные качества русского крестьянства там, где его не коснулось крепостное право, — как, например, на Русском Севере.

48 Русский язык

ИНТЕЛЕГГО БОМНОГО ПРИЛЕЖАНІЕ
ЕГО . НО ШТРО КЪ НЕВНИ МАШЕ
БЪАШЕ . НЕ ТО ЧЕНЪ БЫ ДРЪЖИНЪ

Самая большая ценность народа — его язык, — язык, на котором он пишет, говорит, думает. Думает! Это надо понять досконально, во всей многозначности и многозначительности этого факта. Ведь это значит, что вся сознательная жизнь человека проходит через родной ему язык. Эмоции, ощущения — только окрашивают то, что мы думаем, или подталкивают мысль в каком-то отношении, но мысли наши все формулируются языком.

Вернейший способ узнать человека — его умственное развитие, его моральный облик, его характер — прислушаться к тому, как он говорит.

Если мы замечаем манеру человека себя держать, его походку, его поведение, и по ним судим о человеке, иногда, впрочем, ошибочно, то язык человека — гораздо более точный показатель его человеческих качеств, его культуры.

Итак, есть язык народа, как показатель его культуры, и язык отдельного человека, как показатель его личных качеств, качеств человека, который пользуется языком народа.

Я хочу писать не о русском языке вообще, а о том, как этим языком пользуется тот или иной человек.

О русском языке как о языке народа писалось много. Это один из совершеннейших языков мира, язык, раз-

вивавшийся в течение более тысячелетия, давший в XIX веке лучшую в мире литературу и поэзию. Тургенев говорил о русском языке — «...нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!»

А ведь бывает и так, что человек не говорит, а «плюется словами». Для каждого расхожего понятия у него не обычные слова, а жаргонные выражения. Когда такой человек с его словами-плевками говорит, он выявляет свою циническую сущность.

Русский язык с самого начала оказался в счастливом положении, — с момента своего существования вместе в недрах единого восточнославянского языка, языка Древней Руси.

1. Древнерусская народность, из которой выделились в дальнейшем русские, украинцы и белорусы, населяла огромные пространства с различными природными условиями, различным хозяйством, различным культурным наследием и различными степенями социальной продвинутости. А так как общение даже в эти древние века было очень интенсивным, то уже в силу этого разнообразия жизненных условий язык был богат — лексикой в первую очередь.

2. Уже древнерусский язык (язык Древней Руси) приобщился к богатству других языков — в первую очередь литературного староболгарского, затем греческого (через староболгарский и в непосредственных сношениях), скандинавских, тюркских, финно-угорских, западнославянских и пр. Он не только обогатился лексически и грамматически, он стал гибким и восприимчивым как таковой.

3. Благодаря тому, что литературный язык создавался из соединения староболгарского с народным разговорным, деловым, юридическим, «литературным» языком фольклора (язык фольклора тоже не просто разговорный), в нем создавалось множество синонимов с их оттенками значения и эмоциональной выразительности.

4. В языке сказались «внутренние силы» народа — его склонность к эмоциональности, разнообразие в нем характеров и типов отношения к миру. Если верно, что в языке народа сказывается его национальный характер (а это безусловно верно), то национальный характер русского народа чрезвычайно внутренне разнообразен, богат, противоречив. И все это должно было отразиться в языке.

5. Уже из предыдущего ясно, что язык не развивается один, но он обладает и языковой памятью. Ему способствует существование тысячелетней литературы, письменности. А здесь такое множество жанров, типов литературного языка, разнообразие литературного опыта: летописи (отнюдь не единые по своему характеру), «Слово о полку Игореве», «Моление Даниила Заточника», проповеди Кирилла Туровского, «Киево-Печерский патерик» с его прелестью «простоты и выдумки», а потом — сочинения Ивана Грозного, разнообразные произведения о Смуте, первые записи фольклора и... Симеон Полоцкий, а на противоположном конце от Симеона протопоп Аввакум. В XVIII веке Ломоносов, Державин, Фонвизин, — далее Крылов, Карамзин, Жуковский и... Пушкин. Я не буду перечислять всех писателей XIX и начала XX века, обращу внимание только на таких виртуозов языка, как Лесков и Бунин. Все они необычайно различные. Точно они пишут на разных языках. Но больше всего развивает язык поэзия. От этого так значительна проза поэтов.

Какая важная задача — составлять словари языка русских писателей от древнейшей поры!

49 «Да» и «нет»

«Да» и «нет» в нашем языке... Но как много синонимов мы можем подобрать к «да» («конечно», «безусловно» и т. д. и т. п.) и как мало к «нет». Соглашаемся всевозможными способами, а отвергаем немногими.

50 Учитесь говорить

Мы почти забыли о склонении числительных. Поразительно, что даже в Академии наук в отчетных докладах, где постоянно фигурируют цифры, эти цифры не склоняются. «Более триста», а не «более трехсот»; «до пятьдесят», а не «до пятидесяти». А когда дело доходит до сложных числительных и докладчик в самом деле попытается склонять их, — затыкай уши.

Отказ от склонения названий населенных пунктов особенно интенсивно пошел во время Великой Отечественной войны. В сводках с фронта: «Наши войска освободили город Рига», а не «город Ригу». Признаться, эта тенденция ведет к обеднению языка. Я предпочитаю вместо «живу в городе Ленинград» слышать — «живу в городе Ленинграде».

А женский род должностей или жен должностных лиц? Когда говорят «генеральша», ясно, что это о жене генерала. А «докторша»? — Что это такое: жена доктора или сама доктор? Можно ли оказать «докторша наук» или «кандидатша»? Я думаю, что правильно за последние годы почти исчезло «докторша». Иногда шутливо говорят «докторесса», но не шутливо повторяют «поэтесса», а я думаю, что о женщине-поэте, если она настоящий поэт, следует говорить «поэт», а не «поэтесса». Анна Ахматова это слово ненавидела.

Но вот еще один вопрос. Чехи говорят «чиновничка» вместо «женщина-чиновник». По-русски сказать так

нельзя. Мы говорим «секретарша», а не «секретарка». Почему же в Москве появилось словцо «швейцарка»? Уж лучше бы «швейцарша», если не «швейцар».

По-видимому, только старые женские профессии сохраняют и будут еще долго сохранять женский род — «парикмахерша», «маникюрша», «кухарка», но в целом постепенный отказ от женского рода в названиях профессий — процесс естественный и не режущий уха.

Слово в его одиночестве сильнее слова, перегруженно-го дополнительными определениями. «Я вас люблю» — сильнее, чем если сказать — «я вас очень люблю». Можно сказать при встрече «привет!». И это будет серьезно. Но произнести «горячий привет» — почти насмешка.

Когда мне был 21 год, я написал маленькое эссе (на одной-двух страничках). Называлось оно «Феноменология вопроса». Я описал «жизнь вопроса» как слова. Подборка у меня не сохранилась, но было в ней десятка три выражений: что делается с «вопросом» в течение его «жизни». Примерно так: «Вопрос зарождается, поднимается, выдвигается, касается, разрабатывается, излагается, ставится на обсуждение, будируется, ставится ребром, становится наболевшим, исчерпывается, снимается». Я подбирал эти «идиомы» с неделю, а чем больше их я находил, тем смешнее и «сатиричнее» становилась вся жизнь «вопроса».

Длинные слова в древнерусской литературе XV–XVI веков иногда необыкновенно выразительны именно трудностью своего прочтения и произношения: «мертвотрупогладательные пся» (псы, которые искали мертвечину), «богонадежное слово», «мудродруголюбные советы», «драгоценномудроплетенны», «светосиятельный», «грехоозябший», «люботоржественный», «всездравственный» и «всеизряднейший»; выражения: «многогтцатель-

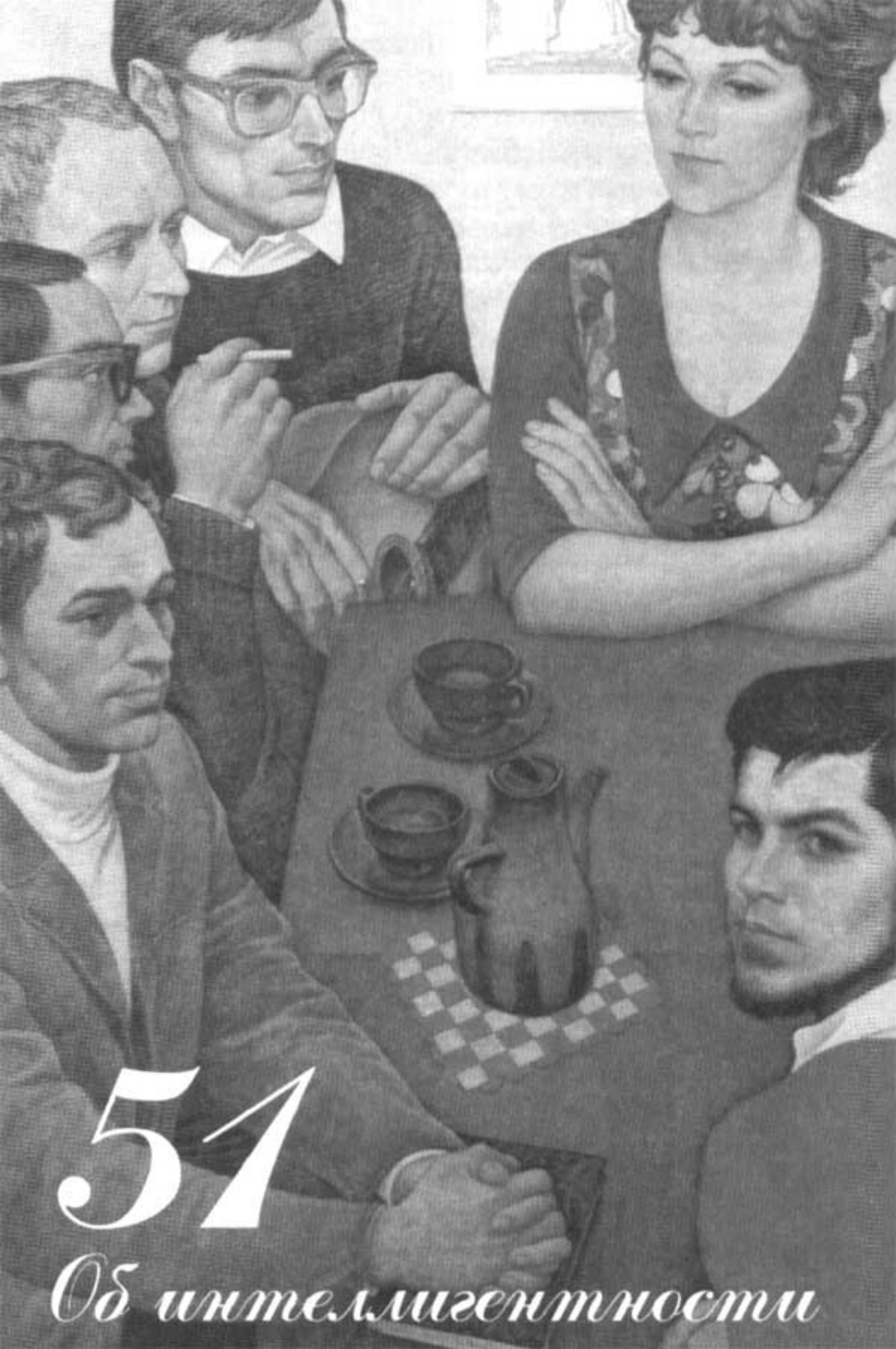
ный попечитель», «ненасыщаемая очима сладость», «все-радостное веселие», «предивный сиротского стадовожде-ния сирокормитель»...

Выразительность русскому языку придают обилие суффиксов и префиксов, предлогов, окончаний и пр., и легкость, с которой с их помощью образуются слова, например: догнать, выгнать, согнать, пригнать, угнать, нагнать, отогнать, изгнать, погнать, разогнать, подогнать и просто гнать. Но это же явление имеет и обратную сторону. Кажется, что предлоги смягчают предложение или вопрос: «не подскажите ли вы мне, как пройти...», «попредседательствуйте за меня...», «пожалуйста, поприсутствуйте на этом заседании...», «я приболел».

Старайтесь не говорить вычурно. Не говорите «объяснить», «волнительно». Не надо употреблять милиционерских терминов или выражений, пришедших из детективных романов: «получать прописку» — в смысле «поселить» какое-либо растение, рыбу, животное в новом месте («сиг получил прописку в озере N»), «выходить на кого-либо» в значении «связаться с кем-либо» или «получить доступ к кому-либо». И не употребляйте штампованных выражений (если то или иное слово часто употребляется в газетах — бойтесь его): «высвечивать», «высвечиваться», «эмоциональный настрой», «контакты» вместо «связи» и некоторые др.

И еще надо думать о конкретном значении тех выражений, которые употребляешь. Вот выписки из газет: «...находят простор злые языки», «однако есть отдельные зlostные шептуны и прочие антиподы, проявляющие свое истинное лицо именно в такие переломные моменты».

51

Об интеллигентности

Образованность нельзя смешивать с интеллигентностью. Образованность живет старым содержанием, интеллигентность — созданием нового и осознанием старого как нового. Больше того... Лишите человека всех его знаний, образованности, лишите его самой памяти, но если при всем этом он сохранит восприимчивость к интеллектуальным ценностям, любовь к приобретению знаний, интерес к истории, вкус в искусстве, уважение к культуре прошлого, навыки воспитанного человека, ответственность в решении нравственных вопросов и богатство и точность своего языка — разговорного и письменного — вот это и будет интеллигентность.

Конечно, образованность нельзя смешивать с интеллигентностью, но для интеллигентности человека огромное значение имеет именно образованность. Чем интеллигентнее человек, тем больше его тяга к образованности. И вот тут обращает на себя внимание одна важная особенность образованности: чем больше знаний у человека, тем легче ему приобретать новые. Новые знания легко «укладываются» в запас старых, запоминаются, находят себе свое место.

Чем больше знает человек, тем легче он приобретает новые знания.

Думают, что круг знаний ограничен какими-то объемами памяти. Совсем напротив: чем больше знаний у человека, тем легче приобретаются новые.

Способность к приобретению знаний — это тоже интеллигентность.

А кроме того, интеллигент — это человек «особой складки»: терпимый, легкий в интеллектуальной сфере общения, не подверженный предрассудкам — в том числе шовинистического характера.

Многие думают, что раз приобретенная интеллигентность затем остается на всю жизнь. Заблуждение! Огонек интеллигентности надо поддерживать. Читать, и читать с выбором: чтение — главный, хотя и не единственный, воспитатель интеллигентности и главное ее «топливо». «Не угашайте духа!»

Способность приобретать знания и самый интерес к знаниям растут в каждом отдельном человеке в геометрической прогрессии. К сожалению, в обществе в целом общая образованность падает, и место интеллигентности заступает полуинтеллигентность.

На своем вечере в Останкине, показывавшемся по телевидению, я высказал мысль по поводу того, что нельзя притвориться интеллигентным. Можно притвориться добрым, щедрым, даже глубокомысленным, мудрым, наконец (особенно если цедить слова, попыхивая трубочкой), но интеллигентным — никогда.

Непосредственность культуры и культура непосредственности. Культура всегда искренна. Она искренна в самовыражении. И человек культурный не притворяется чем-то и кем-то, разве только тогда, когда притворство входит в задание искусства (театрального, например, но и в нем должна быть своя непосредственность). Вме-

сте с тем непосредственность и искренность должны обладать своего рода культурой, не превращаться в цинизм, в выворачивание себя наизнанку перед зрителем, слушателем, читателем.

Всякого рода произведение искусства делается для других, но истинный художник в творчестве как бы забывает об этих «других». Он «царь» и «живет один».

Школьником я был на Севере у поморов. Они поразили меня своей интеллигентностью, особой народной культурой, культурой народного языка, особой рукописной грамотностью (старообрядцы), этикетом приема гостей, этикетом еды, культурой работы, деликатностью и пр., и пр. Не нахожу слов, чтобы описать мой восторг перед ними. Хуже получилось с крестьянами бывших орловской и тульской губерний: там забитость и неграмотность от крепостного права, нужды. А поморы обладали чувством собственного достоинства. Они размышляли. До сих пор помню рассказ и восхищение главы семьи, крепкого помора, о море, удивление морем (отношение как к живому существу). Убежден: был бы Толстой среди них, общение и доверие установились бы сразу. Поморы были не просто интеллигентные, — они были мудрые. И никто из них не захотел бы переселиться в Петербург. Но когда Петр брал их в матросы, — они обеспечили ему все его морские победы. И побеждали на Средиземном, Черном, Адриатическом, Азовском, Каспийском, Эгейском, Балтийском... — весь XVIII век! Север был страной сплошной грамотности, а записывали их неграмотными, так как они (северяне в целом) отказывались читать гражданскую печать. Благодаря высокой культуре они сохранили и фольклор.

А ненавидят интеллигентов полуинтеллигенты, которые очень хотят быть полными интеллигентами, полу-

интеллигенты — это самая страшная категория людей. Они воображают, что все знают, обо всем могут судить, могут распоряжаться, вершить судьбами и пр. Они никого не спрашивают, не советуются, не слушают (глухи и морально). Для них все просто. Настоящий же интеллигент знает цену своим «знаниям». Это у него основное «знание». Отсюда его уважение к другим, осторожность, деликатность, осмотрительность в решении судеб других и крепкая воля в отстаивании нравственных принципов (стучит кулаком по столу только человек со слабыми нервами, неуверенный в своей правоте).

Нация, которая не ценит интеллигентности, обречена на гибель.

Люди, стоящие на низших уровнях социального и культурного развития, имеют такой же мозг, что и люди, окончившие Оксфорд или Кембридж. Но он «не загружен» полностью. Задача состоит в том, чтобы дать полную возможность культурного развития всем людям. Не оставлять у людей «незанятого» мозга. Ибо пороки, преступления — таятся именно в этой части мозга. И потому еще, что смысл человеческого существования в культурном творчестве всех.

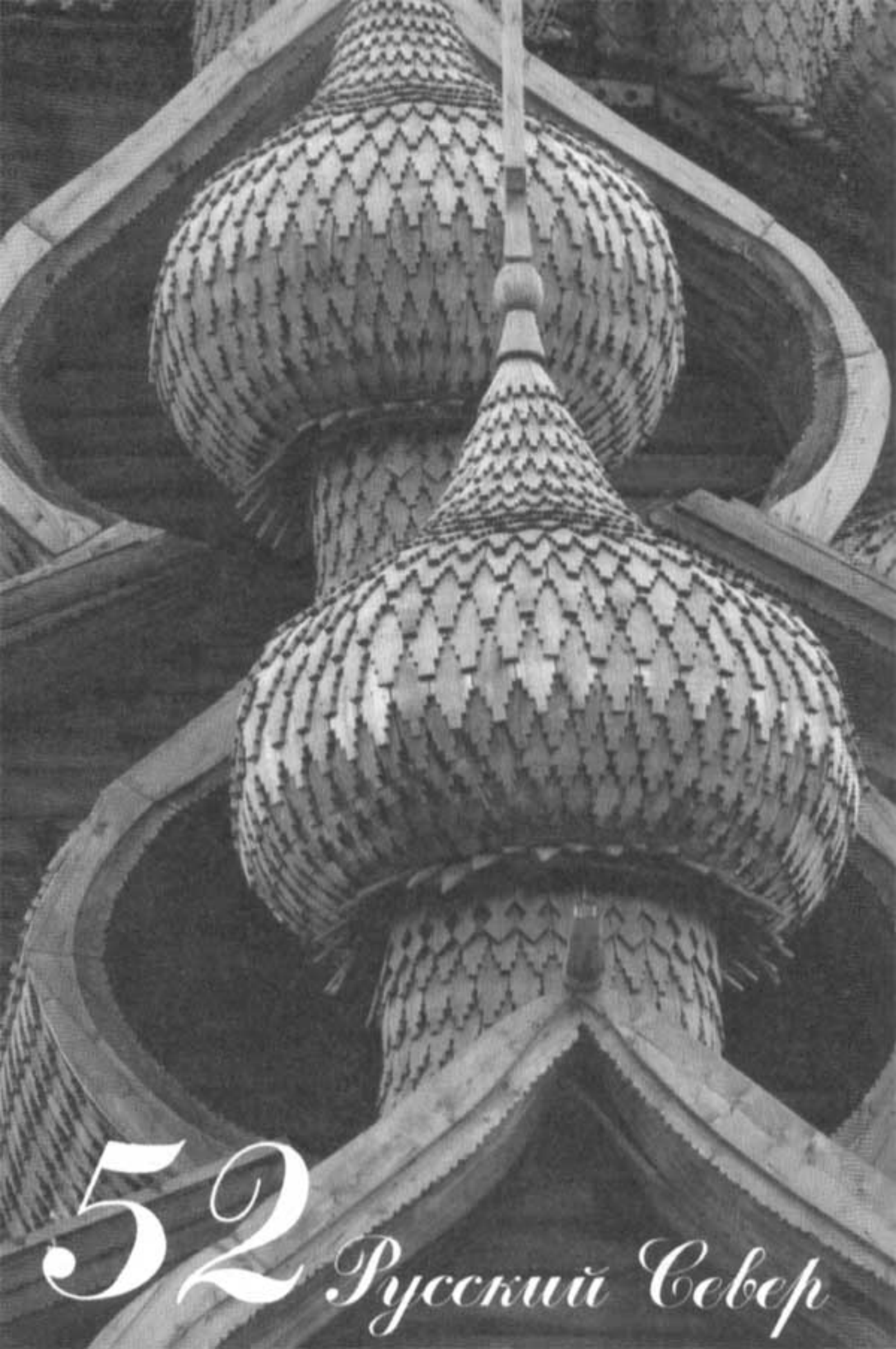
Прогресс часто состоит в дифференциации и спецификации внутри какого-то явления (живого организма, культуры, экономической системы и пр.). Чем выше на ступенях прогресса стоит организм или система, тем выше и объединяющее их начало. В высших организмах объединяющим началом является нервная система. То же самое и в культурных организмах — объединяющим началом являются высшие формы культуры. Объединяющее начало русской культуры — это Пушкин, Лермонтов, Державин, Достоевский, Толстой, Глинка,

Мусоргский и т. д. Но захватываются не только люди, гении, но и гениальные произведения (особенно важно это для древнерусской культуры).

Вопрос состоит в том, каким образом высшие формы могут возникнуть из низших. Ведь чем выше явление, тем меньше в нем элементов случайности. Система из бессистемности?

Уровни законов: физический, выше физического — биологический, еще выше — социологический, самый высокий — культурный. Основа всего в первых ступенях, объединяющая сила — в культурном уровне.

52 *Русский Север*

Русский Север! Мне трудно выразить словами мое восхищение, мое преклонение перед этим краем. Когда впервые мальчиком тринадцати лет я проехал по Баренцеву и Белому морям, по Северной Двине, побывал у поморов, в крестьянских избах, послушал песен и сказок, посмотрел на этих необыкновенно красивых людей, державшихся просто и с достоинством, я был совершенно ошеломлен. Мне показалось — только так и можно жить по-настоящему: размеренно и легко, трудясь и получая от этого труда столько удовлетворения. В каком крепко слаженном карбасе мне довелось плыть («идти» сказали бы поморы), каким волшебным мне показалось рыболовство, охота. А какой необыкновенный язык, песни, рассказы... А ведь я был совсем еще мальчиком и пребывание на Севере было совсем коротким — всего месяц, — месяц летний, дни длинные, закаты сразу переходили в восходы, краски менялись на воде и в небе каждые пять минут, но волшебство оставалось все тем же. И вот сейчас, спустя много лет, я готов поклясться, что лучшего края я не видел. Я зачарован им до конца моих дней.

Почему же? В Русском Севере удивительнейшее сочетание настоящего и прошлого, современности и истории (и какой истории — русской! — самой значи-

тельной, самой трагической в прошлом и самой «философской»), человека и природы, акварельной лиричности воды, земли, неба, грозной силы камня, бурь, холода снега и воздуха.

О Русском Севере много пишут наши писатели-северяне.

Но ведь они северяне, многие из них вышли из деревни («вышли», но в какой-то мере и остались), — им стеснительно писать о своем. Им самим иногда кажется, что, похвалили они свое, и это будет воспринято как бахвальство.

Но я родился в Петербурге и всю жизнь прожил только в этих трех городах: Петербурге, Петрограде, Ленинграде, может быть, еще и в Питере — это особый, рабочий город, выделившийся из Петербурга. Мне-то писать о моей бесконечной любви к Русскому Северу вовсе не стеснительно...

Но самое главное, чем Север не может не тронуть сердце каждого русского человека, — это тем, что он самый русский. Он не только душевно русский, — он русский тем, что сыграл выдающуюся роль в русской культуре.

Он не только спасал Россию в самые тяжкие времена русской истории — в эпоху польско-шведской интервенции, в эпоху первой Отечественной войны и Великой, он спас нам от забвения русские былины, русские старинные обычаи, русскую деревянную архитектуру, русскую музыкальную культуру, русскую великую лирическую стихию — песенную, словесную, русские трудовые традиции — крестьянские, ремесленные, мореходные, рыболовецкие. Отсюда вышли замечательные русские землепроходцы и путешественники, полярники и беспримерные по стойкости воины.

Да разве расскажешь обо всем, чем богат и славен

наш Север, чем он нам дорог и почему мы его должны хранить как зеницу ока, не допуская ни массовых переселений, ни утрат трудовых традиций, ни опустения деревень.

Сюда ездят и будут ездить, чтобы испытать на себе нравственную целительную силу Севера, как в Италию, чтобы испытать целительную силу европейского Юга.

53 *Сергий*

Обаятельный образ Франциска Ассизского связан с нищетой. И то же — Сергей Радонежский. Но Франциск — нищенствующий святой, а Сергей — нищий крестьянин. И в этом существенное различие. Сергей сам плотничал, ставил кельи, таскал бревна, носил воду в двух водоносах, пек хлебы, сам шил одежду и тачал обувь — делал всю черную работу и даже нанимался плотничать за гнилые хлебы. Когда слава его прошла уже по всей Руси, он все же не изменял своего трудового образа жизни. Именно поэтому он получил в народе огромную славу и непререкаемый авторитет, с которым вынуждены были считаться самые верхи московского государства и русской церкви.

Приходившие к нему на поклонение люди принимали его за простого работника и не хотели верить, что перед ними сам прославленный по всей Руси игумен. К нему приезжает сам великий князь Дмитрий Донской за советом и помощью. И помощь его действительна. Когда нижегородский князь Борис не покорился Москве, по слову Сергия были затворены в Нижнем все церкви, и Борис, опасаясь народа, вынужден был покориться. Дмитрию Донскому перед выступлением в поход против Мамаю Сергий дает в войско двух иноков, веля им сражаться. Это было против церковных обычаев, запрещавших инокам воевать. Тем самым Сергий освятил поход против Мамаю как святое дело и способствовал подъему духа в войске Дмитрия.

54 Народ о себе

Достоевский писал в заметке «Два лагеря теоретиков»: «...Народ наш с беспощадной силой выставляет свои недостатки и перед целым светом готов толковать о своих язвах, беспощадно бичевать себя. Иногда он даже несправедлив к самому себе, — во имя негодующей любви к правде, к истине.

Неужели это сознание человеком болезни не есть уже залог его выздоровления, его способности оправиться от болезни?..

Сила самоосуждения прежде всего — сила; она указывает на то, что в обществе есть еще силы. В осуждении зла непременно кроется любовь к добру. Негодование на общественные язвы предполагает страстную тоску о здоровье».

Хорошо бы этими словами дополнить мои «Заметки о русском».

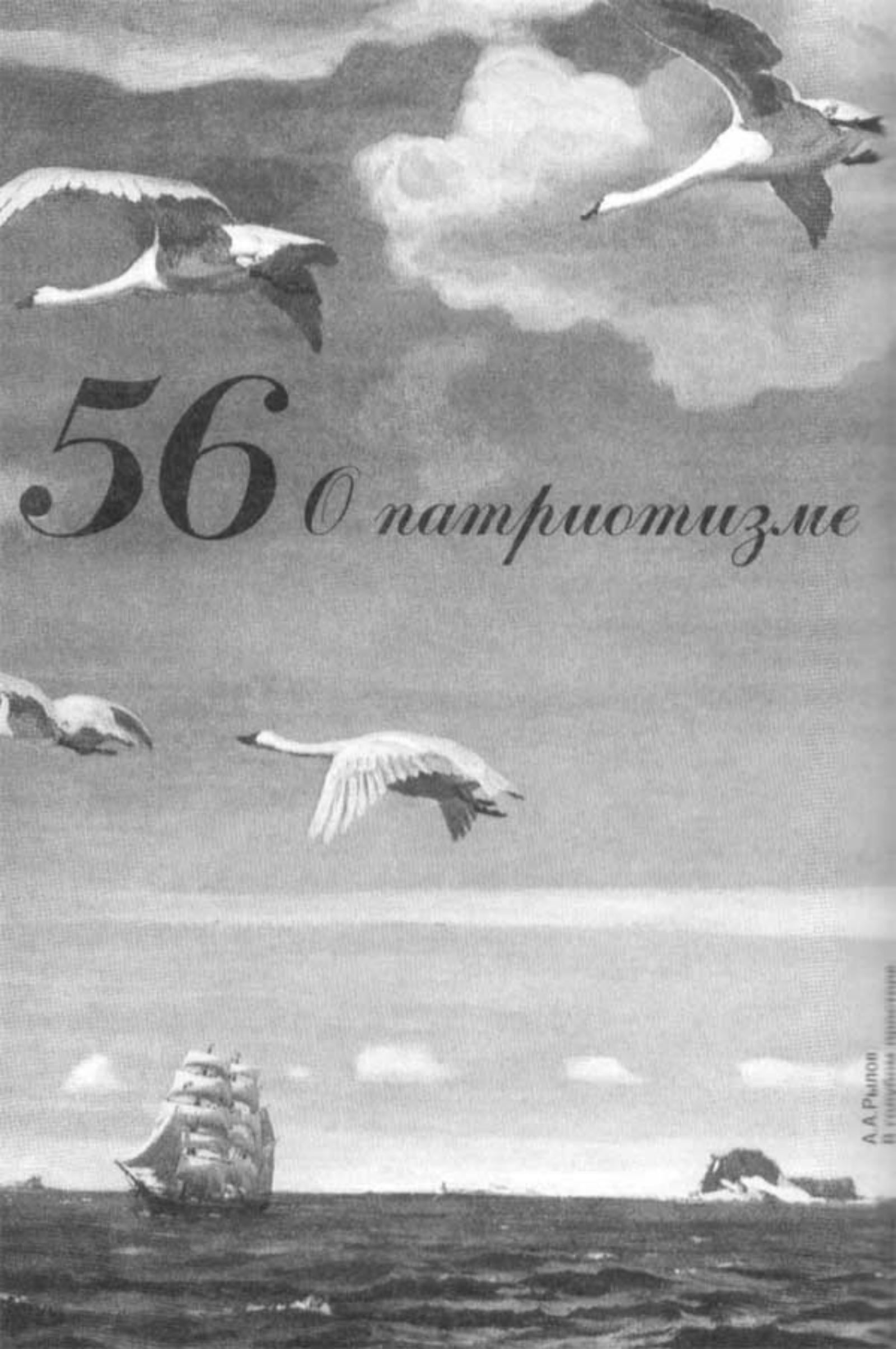
55

Самоотверженность

Оператор телевидения, прожившая несколько месяцев в Антарктике, рассказывала. Когда морозы и ветры становятся особенно большими, пингвины становятся в круг. Посередине самые маленькие, дальше побольше, затем взрослые, а вне — по кругу, на самом юру — старики, вожаки. И они погибают, чтобы сохранить род.

56 *О патриотизме*

Раздумывая о национальном вопросе, я хочу говорить как русский человек. И должен вот что сказать: наши представления о патриотизме очень отстали. Что такое патриотизм?

Для средневекового человека — это прежде всего восторг перед собственной военной силой, силой своего народа. Побеждать врага, овладевать большими территориями... И это действительно свидетельствовало в свое время, пусть в малой мере, о нравственном достоинстве народа, потому что в этом выражалась его воля, бесстрашие, быстрота сообразительности, решимость рисковать своей жизнью, жертвовать жизнью.

Сейчас чувство патриотизма должно основываться совсем на другом. Оно должно основываться на иных представлениях о нравственном достоинстве нации. Военная победа сейчас покоится на хорошо работающих заводах и на решимости полководцев жертвовать *чужими* жизнями — не своей.

Нравственное достоинство нации состоит прежде всего в умении общаться с другими нациями и народами. Вот как человек: если он хорошо, по-доброму общается с другими людьми, умеет социально жить, — он приобретает нравственный авторитет. Если человек склонен к милосердию, уважает других людей,

помогает слабым, — он тем самым ведет себя с достоинством, заслуживает уважения.

Так и с большой нацией, которой поручено нашей Конституцией поддерживать малые нации. Поведение большой нации в отношении малых, живущих на ее территории, входящих в ее состав, должно быть таким же, как у сильного человека по отношению к слабому: предупредительным, уважительным, социальным» в широком смысле.

Если страна ведет себя с соседями по-добрососедски, а с малыми народами, входящими в ее состав, по-доброму, то это позволяет относиться к ней как к цивилизованной державе.

Нравственный авторитет нации, страны определяется и многими другими особенностями их бытия. Скажем, отношением к наукам, особенно к фундаментальным наукам. Фундаментальные науки играют в нравственном авторитете нации несравненно большую роль, чем нефундаментальные и технические. Это можно было бы легко установить опросным путем, выясняя отношение к открытиям в тех или иных областях. Огромное значение имеют для авторитета нации и страны гуманитарные науки.

Ворота нации — искусства: архитектура, живопись, особенно музыка, театральное искусство. Ведь если мы едем в другой город, особенно в другой стране, мы прежде всего знакомимся с памятниками искусства, находящимися в этом городе, с музеями, с городским пейзажем, с обликом города (это тоже свидетельство отношения нации, народа к искусству).

Отсюда ясно, что и отношение народа к памятникам культуры другого народа способно утвердить авторитет народа. Поэтому, когда уничтожаются собственные памятники, и особенно памятники культуры другого народа, находящиеся на «своей» территории, — это чрезвычайно сильно роняет авторитет страны.

Мне кажется, что вопрос о нравственном достоинстве нации касается сейчас всех стран, и нужно, может быть, созывать конференции международного характера для изучения вопроса о том, в чем сейчас состоит истинный патриотизм.

Может оказаться, что маленький народ, народ слабый в военном отношении, займет первое место.

В современных условиях, повторяю, военная победа есть победа заводов, победа военной машины, военного изобретательства, но не духа нации, духа народа.

57

О старости

Общаться со стариками нелегко. Это ясно. Но общаться нужно, и нужно делать это общение легким и простым.

Старость делает людей ворчливее, болтливее (вспомните поговорку: «Погода к осени дождливей, а люди к старости болтливей»). Нелегко для молодых переносить и глухоту старых. Старые люди недослышат, невпопад ответят, переспрашивают. Надо, разговаривая с ними, повышать голос, чтобы старики расслышали. А повышая голос, невольно начинаешь раздражаться (наши чувства чаще зависят от нашего поведения, чем поведение от чувств).

Старый человек часто обижается (повышенная обидчивость — свойство старых людей). Одним словом — трудно не только быть старым, но и трудно быть со старыми.

И тем не менее молодые должны понимать: все мы будем старыми. И еще должны помнить: опыт старых ох как может пригодиться. И опыт, и знания, и мудрость, и юмор, и рассказы о былом, и нравоучения.

Вспомним пушкинскую Арину Родионовну. Молодой может сказать: «Но моя бабушка совсем не Арина Родионовна!» А я убежден в обратном: всякая бабушка, если ее внуки захотят, может быть Ариной Родионовной. Не для всякого Арина Родионовна стала бы такой, какой ее сделал для себя Пушкин.

У Арины Родионовны были признаки старости: например, она засыпала во время работы. Вспомните:

*И медлят поминутно спицы
В твоих наморщенных руках.*

Что значит слово «медлят»? Она не всегда медлила, а «поминутно», время от времени, то есть так, как это бывает с время от времени засыпающими стариками. И Пушкин умел находить в старческих слабостях Арины Родионовны милые черты: прелесть и поэтичность.

Обратите внимание, с какой любовью и заботой Пушкин пишет о старческих чертах своей няни:

*Тоска, предчувствия, заботы
Теснят твою всечасно грудь,
То чудится тебе...*

Стихи остались неоконченными.

Арина Родионовна стала для всех нас близкой именно потому, что рядом с ней был Пушкин. Не было бы Пушкина — осталась бы она в короткой памяти окружающих ее болтливой, поминутно задремывающей и озабоченной старухой. Но Пушкин нашел в ней лучшие черты, преобразил ее. Муза Пушкина была доброй. Люди, общаясь, создают друг друга. Одни люди умеют разбудить в окружающих лучшие их черты. Другие этого не умеют и сами становятся неприятны, докучны, раздражительны, тоскливо скучны.

Старики не только ворчливы, но и добры, не только болтливы, но и отличные рассказчики, не только глуховаты, но обладают хорошим слухом на старые песни.

В каждом почти человеке совмещаются разные черты. Конечно, одни черты преобладают, другие — скрыты, задавлены. Надо уметь разбудить в людях их лучшие качества и не замечать мелкие недостатки. Спешите установить с людьми добрые отношения. Почти всегда добрые отношения устанавливаются с первых слов. Потом — труднее.

Как быть в старости? Как преодолевать ее недостатки? Старость — это не просто угасание, успокоение, постепенный переход к покою (могу сказать — к «вечному покою»), а как раз напротив: это водоворот непредвиденных, хаотических, разрушительных сил. Это мощная стихия. Какая-то засасывающая человека воронка, от которой он должен отплыть, отойти, избавиться, с которой он должен бороться, преодолевать ее.

Не просто уменьшение памяти, а *искажение* работы памяти, не угасание творческих возможностей, а их непредвиденное, иногда хаотическое измельчение, которому не следует поддаваться. Это не снижение восприимчивости, а искажение представлений о внешнем мире, в результате чего старый человек начинает жить в каком-то особом, своем мире.

Со старостью нельзя играть в поддавки; ее надо атаковать. Надо мобилизовать в себе все интеллектуальные силы, чтобы не плыть по течению, а уметь интуитивно использовать заотичность, чтобы двигаться по нужному направлению. Надо иметь доступную для старости цель (считая и укорачивающиеся сроки и искажение возможностей).

Старость расставляет «волчьи ямы», которых следует избегать.

58 Старые деревья

Старые деревья служат предметом усиленного ухода и почитания в Прибалтике, на Кавказе, на Балканах...

В Черногории двухтысячелетние оливковые деревья — поразительные по красоте (около г. Будвы). В Болгарии распространяются изображения «одного старого дерева», растущего около местечка... забыл какого. Год его «рождения» — 16... Тоже забыл, — ясно помню, XVII века. А у нас в селе Коломенском деревья (дубы) имеют по 500 лет и не пользуются должным почитанием и вниманием. Гибнут. Может быть, это явление вообще типичное для нас, русских, когда старикам не уступают место в транспорте?

Какой контраст с Кавказом! Мы путешествовали в 87 году по Волге на теплоходе, на котором было много пассажиров-грузин с детьми. Грузинский мальчик лет 13-ти, которого все на теплоходе считали большим шалуном, на каждой пристани выходил одним из первых и помогал у трапа выйти нам с женой и другим пожилым людям!

Один канадец рассказывал мне, что у них старые деревья, именно старые, получают медали, и эти медали прикрепляются к ним. Есть деревья-рекордсмены: самые старые в своей местности, самые высокие, самые толстые в стволе. В Эстонии, в Латвии все старые деревья на учете.

В языческие времена на Руси существовало поклонение старым деревьям и были священные рощи.

Около Новгорода до сих пор существует «священная роща» в урочище Перынь (от «Перун» — тут стоял его идол). Но сохранность рощи никого не волнует и самовозобновление сосен прекратилось. Устроили какой-то дом отдыха, а может быть, туристический центр (не помню), и корни сосен вытаптываются, земля вокруг сосен уплотняется, и никого это не беспокоит.

Надо брать под охрану не только архитектурные памятники, но и целые пейзажи, так, как это делается, например, в Шотландии, где сохраняется весь «вид» до горизонта. Выдающиеся пейзажи должны быть учтены и сохраняемы, как памятники культуры (человеческой и природной). Одним из первых должна быть взята на учет вся зона города Плес на Волге. Центром пейзажной зоны следовало бы в таком случае избрать либо дом, в котором жил И. Левитан, либо березовую рощу на горе.

Другой охраняемый пейзаж — это от земляного вала Новгорода к югу: Красное поле по правому берегу Волхова и от Новгорода до Аркаж, Витославиц и Юрьева монастыря по левому берегу Волхова.

Бородинское поле должно быть также охраняемым пейзажем, Куликово поле, заливные луга по Десне Новгорода-Северского, пейзаж Лесковиц в Чернигове и многое другое. Пейзажи России должны быть учтены.

Особую ценность представляют собой как историко-архитектурные заповедники Соловецкий архипелаг, Валаам, Ферапонтово (многих пейзажей России я просто не знаю). Соловецкий архипелаг интересен тем, что в нем каждый остров имеет свой климат и свой тип растительности, а кроме того — это единственный в России полностью сохранявшийся до XX века, а частично сохранившийся до сих пор музей древнерусской техники

(каналы, канализация, водопровод, поварня, хлебопечкарня, кузня, портомойня, сушило и пр., и пр. — вся эта техника, а всей и не перечислишь, работала безотказно еще тогда, когда на Соловках был Соловецкий лагерь особого назначения — СЛОН).

Кий — остров целиком искусственный, ибо богомольцы в мешках привозили туда с собой лучшую землю, и на этой привезенной земле выросли целые леса. Земля завозилась богомольцами и на Валаам.

Самые красивые деревья — старые маслины. Поразительные, двухтысячелетние маслины, полные здоровья, я видел в Приморской части Черногории около Будвы и Святого Стефана. В книге Осии в Библии: «и будет красотою, как красота маслины», то есть выше нет. Маслина сама себя лечит. Она лечит образующиеся в ее стволе дупла, и стволы эти похожи на огромные косточки их плодов.

Святой Франциск Ассизский: «Пожалуйста, братцы, будьте мудры, как братец наш одуванчик и сестрица маргаритка. Они никогда не пекутся о завтрашнем дне, а у них короны, как у королей и императоров, и у самого Карла Великого во всей его славе». Особенно трогает служба для птиц, которую совершал Франциск, «птичья месса».

59 Благодарю
тебя, Жизнь!

Коран: «Обязательно посади дерево, — даже если завтра придет конец света». Жить и нравственном отношении надо так, как если бы ты должен был умереть сегодня, а работать так, как если бы ты был бессмертен.

Предсказания и предвидения в науке и пророчества не так далеки друг от друга: и те, и другие не суть утверждения неизбежности, а прогнозы на данный момент и в данных условиях. Неизбежность всегда разрушительна для морали. Человек способен в той или иной мере изменять будущее — хотя бы свое.

Когда святого Гонзаго, римского семинариста, спросили во время его игры в мяч со своими сверстниками: что бы он делал, если бы ему сказали твердо, что сейчас наступит конец мира, — он сказал: «Продолжал бы играть в мяч». Но это, конечно, в случае полной неизбежности. А настоящий ответ его перед своею совестью, когда он что-то мог изменить, был другой, — он был дан его смертью: он скончался 23 лет, ухаживая за чумными больными.

Счастье может быть только боевое — только завоеванное нами. Вечного, постоянного счастья не бывает. Нельзя быть счастливым, когда есть страдающие. Но

можно быть счастливым чем-то, что сейчас добыто, получено.

Диктор телевидения в одной из передач останавливал людей на улице и спрашивал: в чем, по-вашему, состоит счастье? В ответ миллионы людей слушали детский лепет. Что-то вроде того: «Счастье — это когда дома достаток и на службе хорошо», или: «Счастье — это когда мои девочки подрастут красивыми, здоровыми и хорошо выйдут замуж». Это все мещанство. И даже когда большие люди твердили — «Это гармония между чем-то и чем-то» — недалеко ушли.

Счастливым можно быть только короткий, промежуток времени чем-то достигнутым, а после начинаются новые заботы, ибо, повторяю, нет счастья ни для кого, пока есть несчастье рядом.

Жизнь была бы неполна, если бы в ней совсем не было печали и горя. Жестоко так думать, но это так.

Я думаю, что, достигнув восьмидесяти лет, человек должен поблагодарить Жизнь. У меня во всяком случае есть за что ее благодарить, И за счастливое детство, и за хорошую школу с хорошими учителями. И за мою родительскую семью, заботившуюся о нас — детях. И за то, что казалось мне несчастьем, но что принесло мне много житейского опыта и в конечном счете избавило от худших несчастий 30-х годов. И за работу корректором — особенно в издательстве Академии наук, где я обрел и свою семью — верную и заботливую жену, давшую мне двух любимых детей.

И Пушкинский Дом, в который я впервые пришел заниматься в 1927 году.

Сколько было хорошего при всем бессильном стремлении многих и многих причинить мне дурное!

Жизнь! А в какое необыкновенное время я «посетил» (Тютчев) свою страну.

Я застал все роковые ее годы, видел множество людей всех возрастов, всех социальных слоев, всех степеней образования, всех психологических типов: и тех, кого мог бы назвать святыми, и тех, хуже которых трудно себе представить: прямых убийц тысяч и тысяч людей.

Я видел и вершителей судеб, и их жертв. И жизнь повела меня по путям, которые шли ближе к жертвам, чем к их губителям.

Что-то я смог сделать хорошее другим. Что-то я смог; сделать и для Древней Руси.

В чем-то осуществились мои мечты. Многие еще осуществятся в будущем.

Благодарю тебя, Жизнь!

Дмитрий Сергеевич ЛИХАЧЁВ

(1906–1999)

Краткая биография

Российский ученый-литературовед, историк культуры, текстолог, публицист, общественный деятель.

1906 — родился 28 ноября (по старому стилю — 15 ноября) в Петербурге, в семье инженера.

1923 — окончил трудовую школу и поступил в Петроградский университет на отделение языкознания и литературы факультета общественных наук.

1928 — окончил Ленинградский университет, защитив два диплома — по романо-германской и славяно-русской филологии.

В 1928–1932 был репрессирован; за участие в научном студенческом кружке был арестован, отбывал срок в Соловецком лагере, позднее на строительстве Беломорско-Балтийского канала. Освобожден как «ударник Белбалтлага с правом проживания по всей территории СССР».

С 1934 научная литературоведческая работа в Ленинграде. Большая часть жизни связана с Институтом русской литературы (Пушкинский дом).

1941 — защитил кандидатскую диссертацию «Новгородские летописные своды XII века». В осажденном фашистами Ленинграде Д.С.Лихачёв, в соавторстве с археологом М.А.Туановой, написал брошюру «Оборона древнерусских городов», которая появилась в блокадном 1942.

В 1947 защитил докторскую диссертацию «Очерки по истории литературных форм летописания XI–XVI вв.».

1946–1953 — профессор ЛГУ.

1953 — член-корреспондент АН СССР, 1970 — академик АН СССР, 1991 — академик РАН. Член Академий наук разных стран мира: Болгарии (1963), Австрии (1968), Сербии (1972), Венгрии (1973). Почетный доктор университетов: Торуньского (1964), Оксфордского (1967), Эдинбургского (1970).

1986–1991 — председатель правления Советского фонда культуры.

1991–1993 — председатель правления Российского международного фонда культуры.

1986 — Герой Социалистического Труда. Первый кавалер возрожденного ордена Святого Андрея Первозванного (1998). Государственная премия СССР (1952, 1969).

Среди произведений — «Национальное самосознание Древней Руси» (1945), «Русские летописи и их культурно-историческое значение» (1947), «Повесть временных лет» (1950, ч. 1, 2), «Возникновение русской литературы» (1952), «Слово о полку Игореве. Историко-литературный очерк» (1955, 2 издание), «Человек в литературе Древней Руси», (1958, 2 издание 1970), «Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России» (1958), «Культура Руси времени Андрея Рублёва и Епифания Премудрого» (1962), «Текстология. На материале русской литературы X–XVII вв.» (1962), «Поэтика древнерусской литературы» (1967, 2 издание 1971), «Художественное наследие Древней Руси и современность» (1971, совместно с В.Д.Лихачёвой), «Развитие русской литературы X–XVII вв. Эпохи и стили» (1973), «Заметки о русском» (1981), «Прошлое — будущему» (1985).